

В И К Т О Р

П е л

я д ъ

IBAHIB

PeL,
jaD'

АРТЕМИДА

Весь город предо мной как на ладони
И я прошел по памятным местам
Легко взлететь мне было молодому
Висеть секундою сомнительной мечтам

Как названному дяде Аладдина
В четыре стороны бежать теням
Где крыша разъезжается как льдина
Американским оборотеням

И только дернуть за рычаг пожарный
Как спустится в лифте и чинно выйдет к нам
И встанет в строй твоих халдейских армий
И выведет парадный наш Вьетнам

Не человек не столбик света нелюдь
А только бзика лобызаний снеть
Забьется сердца доблесть или пелядь
Ноги Ясона оставляя след

И от гвоздик на стол спирает ладан
Дыхание и свежий смердит навь
Ты кукольным веревочным приладам
Лицо скульптурное ее прибавь

И вынесет на круг до зданья МИДа
И в капсуле машины легковой
В зрачке венерином босая Артемида
Затопчет безуханный цвет-левкой

И в капсуле бесцветной самолета
Проглотит неба-неба спелый дым
И пляшет в пляске пьяного сколота
Не находя ногой земли

1 ПАША РОЗАНОВ

ВЗОРВЕТ

СИТУАЦИЮ

«Паша Розанов взорвет ситуацию...»
Из интервью

Душа моя, Павел...

ПИСЬМО ВЛ. ВЛ. МАЯКОВСКОМУ

Помните ту афганскую девочку
Погибшую в первые дни войны?
Помните ту смешную припевочку?
И почему до сих пор идут дни?

Вы говорите мне про то, что искусственно
Поставили в ролик ее Си-Эн-Эн.
Я вышел недавно выбросить мусор
И увидел мальчика без руки манекен.

Вспоминать можно долго, сказал Андрей мне,
Я живу в спальном районе и не думаю о взрывах в метро, сказал мне Филипп.
Я думаю о бабушке своей и своем деде,
И мне снятся поющие сны про них.

Сотни голосов поют во мне, сказал он,
Где поют они только, расскажите мне?
Каждый день вечером катается Павел,
На велосипеде по городу Москве.

А другие катаются на коньках по городу,
Роликовые у них эти коньки,
И зачем-то резали у в хода в «Метрополию»
Главного редактора и по совместительству главврача клиники.

Ну, таких случаев миллионы,
Выстраивается четко совпадений цепь,
И мысль про человеческие эмбрионы и гормоны
Приходит неожиданно совсем.

В городе Барнауле двое пьяных боролись мыча
По всем этажам своего подъезда,
Они не могли говорить, и мы из морды своей сделали кирпича,
Но оказалось, что они были глухонемые. Здесь-то

И вспомнил я, что когда выхожу к общежитию «Водника»,
В определенные часы появляются тоже муж с женой,
И выполняя закон послушания ее как сводницу,
Бьет он наотмашь каждый раз кроткую ее своей тяжелой рукой.

В городе Барнауле проживает старушка,
Которой чудятся сверху шаги и стук,
И она идет к участковому, который сидит пивнушке,
И соседи узнают, что их вызвали в суд.

Можно продолжать и дальше, и дальше, и больше,
Но я хочу сказать не о том,
Не буду больше про глухонемых уборщиц,
Думаю я про управляемый атом.

Проект «Манхэттен» называлась спец-операция против японцев,
И летчик, который всю жизнь в самолете летел том,
Скончался две недели назад, и восходит красное солнце,
И падает на землю в море пустом.

Стадия аннигиляции такого атома
Унесет нас из домов, и скелеты не позабудет там.
В тот день откроются, откроются все кладбища,
И тогда к предельным мы подойдем воротам.

Это предел, который приснился кому-то в печке,
Сохранит все наши жизненно важные коды,
У каждого будет записано в аптечке, что язык человеческий
Откроет нам некоторые жилища и райские сады.

Эти жилища, которые многие во сне созерцают
В доме огромном высоком и большом.
Но квадратные столы спиритов не летают,
И этот язык открыт, и сияет, и болтает, и не закрывается ртом.

Это простейшая и надежнейшая сигнальная система.
Зовите ее сознанием, но она становится бытием,
Потому должны радоваться абхазские виноделы,
И каждый день о пещерах мы поем.

Уйти в горы, залезть на крышу, кто будет в дому
С кем по трое и по двое является кто кому,
Но зачем эти горы прекрасные горы,
Если в них развязывать мировую войну?

Я отвлекся. Предел пересилил,
И в молитвенных пещерах этого не пересидеть,
Этот атом простейший без боли и насилия
Сцепиться должен в новую, прочную, надежную цепь.

В этой цепи наши лица, и ваши, и их,
И всех, и всех, и всех, и всех,
Ваши лица как невесту поцелует Жених
Который впервые появится здесь насовсем.

И здесь, и там любить друг друга люди приучатся
По сигнальному безусловному соглашению и согласию языка
И мучится, мучиться, мучится, мучиться
Не будут больше, почувствовав приближение языка.

И тела неубиваемые, с душой в единое слиты,
В путешествие отправит нас и вас,
И тогда пропоете вы те молитвы,
Которые пока слышат только некоторые из нас.

Фантазия ваша подскажет сама вам,
Что вы делать будете там.

А пока я хочу сказать нашим мамам
Что они не зря не спят по ночам.

Спросите, когда все это будет?
Отвечу так: создавайте институт,
Сдавайте оружие, дайте жизнь народу и людям,
Иначе, господа, за вами другие придут.

Единица вздор, единица ноль,
Два, три, четыре, ноль нолей.
Нас миллион, нас два миллиона, нас легион
Преображенных яростных чертей.

Вам ли не знать обо всем об этом?
Мы не можем, не можем больше ждать.
Я говорю вам, Владим Владимыч, про ЭТО,
И жду когда вы мне сможете ответ дать.

26 ноября 07

ПАЦАНЫ

Вы наверно забыли хотя забыть вам часто бывает трудно
Моего товарища Алексея что вышел на город Тобольск
Он вышел охранять 12 неразумных девчонок и был пьяный трезв беспробудно
И дважды на городе ему вы сломали нос

Однажды он бежал от вас до светящегося киоска
Он не хотел говорить на ножа языке
И когда он добежал вы ему сказали неброско но свойски
Не хочет ли он с вами выпить в этом вот ларьке

Зуб выбит вами пацаны был у Дани
Который по району тому где Котовского шел
Он вас тоже наверно больно и сильно ударил
Так он приключение на голову свою нашел

Со студентами дрались вы всегда и они плевали кровавые зубы
Робкие спортсмены и слушали они «Гроб»
Вот после концерта «Гроба» Леху моего друга
Грубо и некрасиво избили в усмерть посинел его лоб

Пьяный избитый он пересек линию поезда и переезда
И на рельсы упал не помня ничего
История умолчала и сказать об этом боязно и говорить бесполезно
Как он добрался до дома своего

Он всегда говорить с вами хотел о том что
Назвал просвещением и к нам подошли однажды молодые менты
Мы двое старых пьяниц с икотой эт точно
На нас долго заживают бинты

Они мерзли на улице и были голодными
Ничтожной стипендии их были гроши
Он гордый и вместо паспорта природного
Показал им народный и у них попросил анаши

Сам отец у него военный и товарищ другой мой химик
Воевал с вами бойцы и посылал на Грозный по 20 тонн бомб в час
Его Санька лицо его улыбка и мимика
Изменились когда его сдали в санчасть

Вы наверное знаете да теперь все уже знают
Что посылали 14 летних мальчиков они в бой
Вы наверное знаете что их сестры и жены и мамы
Фотографировались журналистами мертвыми с отрубленной головой

Вы наверное помните кадр 94 года
Рана солдатская в животе показывается сорок секунд
Вы наверное помните и не забываете чужого народа
Вы наверное помните слово «капут»

Пацаны вас звали иногда пехотой
Спортсменами и штурмовиками и в городе Тайге
Живет такой парень Андрюха и с неохотой
Он рассказал мне о своей семье

Его племянница годовалая девочка
Еле-еле в реанимации была спасена
Он мне сказал это повторил мне это раз десять
Память вращается когда ты без сна

Студенты такие как Даня и Леха
Те кто получили путевку в жизнь а не волчий билет
Ходят по стране собирая по крохам
Подробности жизни людей прошлых и этих лет

Очкастые ученые собирают данные
На каждого из погибших братьев и сестер
Ничего не свалится небесною манною
Надо зажечь сигнальный видный отовсюду костер

Такие горели возле метро у моего дома
В морозные дни и ночи в 1986
Судьба наша должна быть нами ведома
И я прокричу об этом разорванным обескровленным ртом

Эти костры и станции Лэп восьмидесятиметровые
Берутся не из ничего
а на них в мороз когда закрываются школы
лезет человек и ставит электрику голой рукой чтоб ходило метро

эти трубы с ободранной метрами стекловатой
работают чтобы кто-то смог угреться в дачных домах

и по городу бегают дедушки борода из ваты
чтобы был новый год в ваших господа домах

эта реанимация эта больница бессонная
работает ночью и днем ночью и днем
и очи избитых резаных и колотых очи бездонные
или заплывшие лечат врачи тыщи платившие за учебу и диплом

братцы, восходит черное солнце на месте
куда съезжались и не все возвращались разбираться вы
русские и чеченцы чехи и немцы
и это солнце выше уже головы

это солнце солнце восстания мертвых
и об этом думает каждый паренек и каждый студент
и я говорю вам что больше крови нам никто не испортит
не сломит шею и жизнь в самый неподходящий момент

СНЕГИРИ

Беспосадочный перелет совершает летчик
Переводят часы его на Дальний Восток
Из пеленок черных, черных долгих ночек
Вылезает ножик месяц кровосток

Едешь в одну сторону жилмассив Восточный
А в другую красногрудые Снегири
Между ними досочку положи мосточек
Балансируй на ней не усни смотри

А ведь укачает и в управления центре
Памятника Ленину уже не найти
Только подсветкой подновленные церкви
Раненько детки ужинаете

И ложитесь спать ночью фонари погаснут
Стережет кого-то злая темнота
Неразумным девам не достанет масла
И в анатомичке анатемата

РЕВИЗИОНИЗМ

Есть много дураков. Они себя покажут,
Одним лишь словом сказанным, взяв в руку микрофон.
Ты показал себя - и вытащил букашку
Из головы своей. Сидели мы толпой.

В уста открытые для мысли вшиво-лживой,
И в уши мытые нашатырем двурушников-левшей -
Букашка кажется тебе большою и красивой,
Но мы с собой берем проверенных людей.

Во двор скорей смотри - во двор дюшан въезжает,
Он во дворе своем Андрон или Дюшан.
Дохнул осенний хлад, и ручка отпадает
Как выпадает прут у клетки в Ватикан.

Тебе, о Далия, зопарк рекомендую
Сравнить я с книгой, где причудницы тапир.
Католик-римлянин, я законоведую
Премирвать часиками верных терапий.

Заведовать пространством темпоральным
Я посоветую тебе в углу глухом,
И ногти грызть с тоской о невербальном,
И посинеть с тоской о прожитом.

Есть Коцан на беде, есть Поц из оригами,
Есть мыслящий тростник, есть тихий окиян,
Где воссияли мы – с другими берегами,
Есть морячок Папай, есть Ельцин-для-себя.

Бориса Игорь друг! в молитве большевитой
Приди к похоронам и Дмитрия оплачь
На слезовитый берег, где обе брови сбриты,
И на кортах кортачь партачь и кукарачь.

Воспеть хочу тебя в том первозданном виде.
Есть ревизионизм, пока стучат часы
И клацают в мольбе к Монаде и Хламиде,
Но страшно мне – изменишь облик ты.

СЛАВЬСЯ ВОВЕКИ

Кошечкой красной в подвале
На перьевом одеяле
Летай летай
Ешь и минтай
Мы обглодали

Друг Мертвякова
И Метревели
Спорт смели
Трезвели
Неувядаемым матерком мы

С дружком до метро
Вертаться чтобы
Номер твой
Стань верстой
Всей учебы
Ставроц твой

Последний день
Обещанный
Не надень
Щебет клеветущий
Набекрень

Мы не отвечали
Отвлекли щами
Борщами правшами
Часовыми
Прощай же
Друг чаевыми

Синагогальным
И безглагольным
И малохольным
Сину со и дальным
В исподнем
Идальго

Здоровьем новым
Врачебным махровым
Канем мировым
Морфеем
Как на ковровом
Полу Малафеев

Славим же ныне
В микрорайоне рыбном
Дэ и Ща
Прибранную скрыню
Рыночный хлебный
Дух Илоща
И двух зилотов его тепленького дьяволица идолица

ПОКАЗАВШИ...

Показавши в разговоре
Кукиш десять лет назад
Слово вспомнится легко ли
Узелочек завязать

Из газеты ставропольской
Или в магазине ЦУМ
Где с веревочкою польской
Ты попользуешь мой ум

Входит грозная фигура
И тиранит и проест
Творожок из Сингапура
И посадит под арест

В парке детском пляшет пьяный
Грозно тоже подойдет
За слезливым истуканом
К нам цыганочка войдет

Ищет родственную душу
Угрожая клеветой
А пою я только в душе
Под горячею водой

Кто услышит не поверит
Скажет это ты больной
Повторяешь точно зверик
Молвь людскую песий вой

Нет фигуры этой грозной
Никого нет за спиной
Ты на санках двухполозных
Поскорей катись домой

Птичка божия не знает
Ни заботы ни труда
И сознания сквозная
Не умолкнет никогда

Знаю я чудное слово
Повторяй его за мной:
Умер Вова Умер Воля
Умер Бобка Умер Бой

Умер Ванька Умер Гринька
Умер Овощ Умер Мошь
Умер Шлёма Умер Минька
Умер Сволочь Умер Борщ

Лишь Буркевиц лишь Застрелец
Лишь Чепец и лишь Капец
Скажут прямо в лоб прицелясь:
Повторяешь? Молодец.

ПЫЛИ СТОЛБ...

Пыли столб. Стакан стеклянный.
Электричество горит.
Старый стол был деревянный,
Целых три часа дарит.

Катится вагонов валких -
Не катался – поездок.
Пятится на катафалке
Косолапый козырек.

Нет искомых. Прокатили.
Укусить куска не смог.
И в двухкомнатной квартире
Не сносить кунсткамер с ног.

Хоть сидели мы в округлом,
Помещались целиком,
Только сделались угли,
Кто привык обиняком.

Спали или бодрствовали
Этих целых три часа -
И когда с одра сорвали -
Был кирпичик ста.

ТЕРРОРИСТЫ

Хоть изображение стерто,
Все же знает хиромант,
Кто на нем: живой иль мертвый.
Вижу! Вижу! Нет. Туман...

Знаю. Помню. В школьны годы,
Мы любили делать так,
Чтобы знали наши шкоды
И «Динамо» и «Спартак».

Только вроде непонятно
Было сразу никому,
Что толкуем мы превратно,
Что толкуем Кострому.

Завершается скандалом
И обидой навсегда,
Едет Вася к скандинавам,
Не прощается Балда.

Слово сплетни может много,
Слово может убивать,
Как бы нам бы это слово
Взять и опубликовать?

Чтобы и Балда и Вася,
Вдруг увидели себя,
Бессловесные и в массе
На театре басен, бя.

Чтобы в стенгазете Ире
Пририсовывали грудь,
Рук вовеки не отмыли,
Не давали продохнуть.

Чтоб чумазые как черти
Все сдавались Костроме,
Что вы знаете о смерти?
Может, видели во сне?

Волоса чтоб стали дыбом,
Побыстрее чтоб нашли
Доказательства на гибель,
Сарру вынув из земли.

Что сегодня было бутор,
Завтра будет самосуд,
Дуракам бы только будор
А-жить и капут.

Как бы слово не сломалось,
Как не сглазит Ванги глаз,
Будет мало, будет вава,
Будем знать в последний раз.

И стоит последней встречей,
Что окажется потом,
Носик, ротик, поперечинка,
У оградки на Донском.

КОНЕЦ БИОГРАФИИ, 96.

Говорящие без матери ящики, о чем вы базарите?
Человек, зачем из окна поезда вылез на крышу ты?
Головой о дно каждый раз ударяется в азарте,
Ипоном и Вазари, Чаплин-клубом затяните кушаки.

Захожу. Полез на фонарь экрана. Ставит еще табуретку,
Внизу смотрят, один матерится очень громко, а понял,
Кто здесь главный, большая яма, шлю привет вам,
Мама и сестры, бабушка возвращается из Африки и Японии,

Пройдя сверхзвуковой порог убивающей кровати где,
Умерла, и далекий голос сквозь сон из больниц долетал,
и неприбранной комнаты в секретном фарватере,
Читал, смотрел, ждал, знал, звал.

Имя и фамилия того, кто все это задумал и затевал,
Выписала та же, что и нам с вами, безвестная паспортистка,
Но это уже даже не Миша, даже не Тиша, который рот разевал,
И даже не ты, кто читаешь о спорте убийства.

Мы не верим чтобы все сбывься могло, полный провал, если правда
Ну хотя бы на треть оно, 9-го мая, 21-го января, строй второй

Этаж, с которого с поднятой вверх ногой оседлал ты,
Сначала класс, затем зал, затем сорок второй, и Трою.

Кто это там гавкает? Свинья? Нет, маленький поросенок, убоина,
Мы жертвою пали, Сирота и Вдовина и Кустодиева баба,
Томагавком в Москву, Америка и Япония, и Георгия-Воина,
Иванова-Петрова драгомана ябани чтоб не существовало.

Я продал чайник, рубильник, будильник и холодильник, сказал дядя Вася,
Ставь марш Кирюшов-физрук, умер твой брат Кошорайло,
Чума празднует именины неделю, а Ков на балясине,
Пионер с пионером играют в лапту, сестры мои Вира и Майна.

Ты с аллеи ушел, свист солдатских ремней Оперы и Балета,
68-й, улицы перекрой, драка масс, площадь Ленина, чернота голов,
Подступающая темнота, Соковнин, по шею в земле вбитая от квадратного метра
Голова торчит, Тибулл-кочана, Бахтина, Сотона, в лоб.

Пионеру – часы, подстрелили на карауле, и ты ляжешь в третьей,
Сторож, мальчик, яблоня, церковь, прямо в дом лети Чекалда,
Девяностые, планер и трещина, Красноярск, дом кино, на карете, миномете и минарете,
За тобою Андрей, ты не знал, у Обрубка, у Покера, где и когда?

Дина, Даша, Наташа, и рифмы к ним, знаете, в столбик,
Он ушел, а Двойник, будет стоять, не геройски, а насмерть.
Вы не видите разве? солдатик и балерина, я сказал, в лоб - что по лбу,
Знай, не взыщет Христос беспробудного этого пьянства.

ЛЮДИ – НА КОНЬ!

В шестом часу утра первого, второго ли января наш общий знакомый Миша С. очутился
незнамо где, а именно в сквере у бывшего магазина «Эврика». Обнаружив, что нигде
поблизости нет его машины, что вообще нет ни одной машины, и услышав звонок
телефона, недолго думая, разбудил он спавшую в будке инструкторшу, что катает днем
детей на пони по этому самому скверу, и после непродолжительной с ней беседы вскочил
на коня и поскакал по пустынным улицам в ночной клуб.

Быль

Мороз срокоградусный,
мороз трескучий-
утро нового года.
нету машин. забьешься в падучей.
надо бригаду звать
сам себя
ты воевода!

Там возле цирка, где пони детей
Возят кругами
По парку -
Как очутился здесь? вот моя тень.
Вот одеяние,
Фартук?

Где же машина?
Звонок телефона.
Зовут куда-то! ждут там,
Вот снова звонят, звонят оттуда
Мамашина
Что ли, не понял
Шутка?

Ребята, ставьте батут мне,
Железный Феликс – лепешка!
Горит одно
Окошко,
Стучусь,
Сонная инструкторша,
Из Гороно,
Расшибусь,
Кровь из носу
выводи лошадь!

Не ходит троллейбус,
Автобус вмерз,
Проехал ты остановку!
Я черевички тебе привез,
Тобой любуюсь
В обновлениях!

Вскочил в седло,
По проспекту летит,
Мимо детских грибочков,
И черный конь храпит
Тяжело,
И разорвет на кусочки!-

Окрысились!-

Глухую ночь,
Полуночный мрак,
Глубокий снег
И плаху,

Небесных виселиц
Кажет кулак,
Я - видел во сне -
С размаху.

Над нашим городом
Скачет Михась,
В Америку,
В Африку,
В Перу,

Над новым годом
Заря занялась,
В Пожарку
Звони
Ноль первый!

2к

ЮЛИИ

ПОСВЯЩЕНИЕ

Когда солнцем алым и электрическим
Восходишь ты надо мной в темноте
На лбу циферблат нарисуй и притчей
Языческой будь при часах в комнате

Когда затрублю и вывалю язык
И затоскую и лоскутом мясным
В клетку льва брошусь и брошусь в Янцзы
Кто скажет знакомым была я с ним?

Четыре тени встанут надо мною
И музы на крыше под тяжестью глобуса
Завоют
Сиреной автобусной

Что мне имя Лилино что мне Ливия Каддафи
Пусть каждый турок подавиться своим инжиром
Пусть бежит в улицы слон и прохожих всех передавит
Или что еще расскажи мне

Что тебе моих паломничеств пальмы!
За монахинь беременных молится Новая Элоиза
Что невестой в горящем гробу лежит в туфельках бальных
А по мне опять плачет больница

ОПЯТЬ ПЯТНИЦА

На лысой голове стакан чифиря держать
Для трех слонов с черепахой найти мазуту
И с палкой гимнаста на канат забежать
И вдруг увидеть всякого раздет и разутым

Как обморок накренится тогда левая сторона
И правая пойдет и спиной вперед будет пятиться
И скажут люди болонка испугала слона
И ты не узнаешь куда же пропал твой Пятница

В раздутые ноздри горящий вонзи пелэлэ
И слезы умерших детей найдете в вербном ростке вы
И в чашу источников вод змеиный свой яд перелей
И негрских улыбок с иконы гляди Параскевой

И город мой где возле церкви поставили цирк
Где сердце разъято висит на лоскуте цедулок
Пусть пламя планиды взойдет в один спичечный цирк
И солнце опляшет главу гимнаста Тибулла

ПЕСНЬ

И в императорском музее знакомых мы нашли
Слова над экспонатами роились в голове девятилетней
Запомнить всё все чудеса чудесные земли
И от того придется заболеть нам

Горчичники и чай и копьцо и план пещер
И плащаница и корабль там где под корабельный
Колокол невеста и жених из яростных вещей
Восходят в пятницу для новой колыбельной

И пятница пропавшая в июль замоскворецкий
Святитель Николай наш пароход где Ленин
Когда-то плавал
До Америки двуглавой
Всего на несколько делений
Он не доплыл до сестринской и детской

Ведь государство времени работает а Пятница
Нас ждет с тобой там службы ходят и безумец
Что бил поклоны в исступленье обязуется
Пустить нас и рыданий не перенесет привратница

Лишь сожаление ты милая ты нежная смогла мне выразить
Но время уж в обратную дорогу собираться
И поезд скорый пел незамужне когда ты когда же ты не сможешь возразить
Когда ты нищенкой май сайк май син май соул ты будешь побираться

И между рисин на квадратные прямоугольники полей
Взойдешь червонная то то что должно было состояться
Я о той встрече что поется в храме жено мне милей
Не станешь ты чем в платье из парчи и рук поющих чередой сменяться

Как караульные что ждут и принесут тебя и Николая
Я попрошу такого человека если еще ты помнишь
В часовенке у пентагона нашего встретить нас с тобой милАя
Славная как жарптица в домне

Ввести тебя и мать стара моя нам приготовит скудный ужин
И плошка и подсвечник и подстаканник со змеем черным
Что обвивает солнышко тебя но змей контужен
Простужен и ты его утюжить сможешь словом непритворным

Спой Юлия моя мне песню ту что пела и в пляску пустишь на круглом столе у облетевших
липок
Где чопорные немцы просятся обратно в БЕРлин
И я сказал и А и Б и еще сорок девять трепетных улыбок
Так что на Олимпиаду полетим мы в ПЕкин через сорок тысяч новогодних Елей.

ПОЕЗД НОЧЬ 9 НОЯБРЯ ПЛАЧ

(этот текст был написан дважды, оба раза одинаковым образом, в одном и том же вагоне поезда)

мы полетим по пачке беломора
туда где сорок один градус
тифлис и краткая остановка
но не оглядывайся

когда я тебя тебя спать уложу
в люлечку люлю и вот выхожу
на голос на голос на голос твой
полукровка

бьет тень бьет тень бьет другую тень
четыре тени в руках куличи
и окликают моей детвой
темень в ночи

я растоптал платок на площади
где чумаков едят кумачи
я истопчу в короткой очереди
и затоплю тебя в печи

ешь суп из почек и торт черемуховый
квадратик платочка синее пусть
и тополь пуховый и чёрт из Серпухова
и твой и твой и твой Исус

04, 07

УЛИЦА БЛОШИХ

Пели игры и танцевали веселые
В парках и садах розовощекие от мороза
А в парках и садах елочки пунцовые
И пряники медовые на них и тебя зовут мимозою

Почему да потому почему да потому потому что
Мерзнешь ты когда катишься вниз с горы
И для белочки и ее бельчат выстроена кормушка
И в ледяном лабиринте бегают в нем в шапках месяцы зимы

Они друг за другом гонятся и вот руки на плечи сложив друг дружке
Катятся на сапогах с отвесной горки той
И падают друг на друга и катятся под ноги старушке
И замирают от смеха остановившись под ее пятой

Она посмотрит строго и в платок сильней закутается
И в глазах слезы и вот ее окружив
Пускаются в объяснения месяцы иркутские

И вот раздружились за воротник заложив

А в это время мальчик новый год в ободочке белом
Провожает старшего по возрасту деда своего
Умирает каждый год каждый год его деда
Но никто не плачет от того

Звезды горят нарядами щеголяя
Для больших и маленьких и маленьких и больших
Праздник освящая святого Николая
Мальчик и девочка из дома с улицы Блоших

Улица Блоших это где все ровные прямые
Всю ночь горят белые фонари
Где мы с тобой сестра ходили немые
Глядя как белые пляшут мошки и комары

Комары комарики и к носу руковичку
Прикладывали и дышали на нее
Я тогда все думал думал о Вичке
А ты так и не сказала мне про Илью

Да теперь большие мы с тобой сестра моя Вася
И мы садимся в самолет с тобой но немного погодя
Когда он уже от земли оторвался облако расквасив
Смотрим на новый город на улицу выходя

Двадцать второе скоро скоро двадцать второе
Обманула
Нас снова красавица твоя
И снова сердце захолонуло
Когда у коровы
Безрогой семь глаз темных во лбу горят

И один одинешенек по небу ходит
Братец твой и ищет свою сестру
Солнце заходит солнце заходит и восходит
И я щеки спиртом тебе разотру

Ящик с мандаринами из Абхазии присылали
Пять лет подряд пять лет подряд
Пять лет тебе мы сегодня прибавим
Щеки у тебя от мороза горят

ДЕТА

Скоро хочешь узнаю тебя
Знаю все берегу для тебя
Обещаю не нюхать эфир
Все отдать бэби-систер
Не опаздывай

Дета если дашь это мне
Возьмешь и себе
Я знаю прием
Нуга да вино
Дета если ты дашь это мне
Возьмешь и себе
Лукум и вино
Ты знаешь темно

Мы были вместе фары плюет
Пару проли слез
Колдовали сажу никанай
Лак Сахар слив и винный мед
Я волос бутерброд
Халдей лемехом
Полбу и связист баязид
Как только твой пахом
Я ною нагревать
Волк и раунд фрукт третий
Твой пациент из шорт
Халва лента лауретте
Лист он майм жасмин во Тибете
Я дюю зефираз
Степон заgrim трачу эли и варети, нав

Хея на тареле бекон нос
Тесак возьми стремай холст рагул
Кент, экспресс завёз
Гамяч закид плавал
Й, васиздас трезов манит убавил
Окотел зет у див мелеть фарнос
Сланцы проучууу
НЗ иль щит ебачить
Выгон секс еврей дай
Ботва на всех винтись
И на пансионат, вай
И лобзевой удачи
Созли-то левыбрат вайс
Газы графини релиз
Дурий лак боже дай
И цъема

Шмали лист
Афимьяма лафа формы бабы
Ноу-хау и тьму не трусь тую
Кабинрлоге фазы молний
Тугов за ртутию
Лист найманевра хохм
Иол безгепатцынгой
Пути юрту занесе серый ригу молвой
И небо мент тупой из маузера капут

Обстрел он и кед
Пилав зевай муслин
И халвы волос падал на плед
Дета я с той сообразил я песенц
Шейной я тирок с восьми
Аскаю у мамы
Плис катни ноту гирь и с ним

Rùt

Голубиноглазая девочка с красным бантом
и с глазастой перламутровой ниткой
завивает дымки в городе идет дождь
а по городу клоуны и собаки и птицы
ну а дети другие лицом ко мне хотят обратиться

одноногий священник танцует с женой
получает письмо озерцо кот наплакал
там красotka и чудище и песик сторожевой
кто-то каркал и крякал и квакал

и слеза солоня ждет от моря одна
роза мне что весною досталась
а у девочки кровь горяча водяна
и волшебное слово осталось

мышь летучая пьет тонколунные вены
точно вишенный сок и кутАется в шаль
шаль бабУшкину неизменно
детям сладкого нынче не жаль

ведь сплетают прозрачные пальцы они
вокруг глобусика как жирафы они
и цветочки кладут как лакальцы они
по лекалу пыльцы геогрАфинИ

в тонкокудрых Катиных волосах
мураши и мурашки зажмурясь сидят
и танцовщицы в красных стоят поясах
на слона и на Катю любуюсь

синеглазка картошечка рассказыват
то что розу голубоглаз
Ую девочке моряковат
спи весною весною отдаст

ПЕРВОЕ ВИДЕНИЕ ВИТЬКА

рис кидают водку пьют
и шампанское
и попы вокруг поют

по испанскому

и поют они жена
твоя жена
будет после ужина
где то обнаружена

пробка в потолок летит
на передовице
СВАДЬБА а потом петит
плакает вдовица

и опять поют попы
жена не жена тебе
им во след поют гопы
на тебе

жена не твоя жена
твоя жена юля
только обездвижена
вот пилюля

вот пилюлька капли вот
поп поет
скушай нужный углевод
бросит в пот

и тогда поют гопы
юля не жена тебе
две короткие стопы
и годится в матери

вот она твоя жена
твоя жена дина
и она отключена
от гетеродина

водка выпита до дна
пьют теперь пиво
наступает тишина
спи мол

просыпайся поп поет
дина не жена тебе
и цыган медведя бьет
злой рогатиной

все ушли попы пришли
готы вместо них
спрашивают где жених
точно лях кичлив

жена дина не твоя
твоя жена юна
и она весьма вабна
и поюнна

начинаем меннизанг
носим менингитки
от нее янцзекиянг
не в убытке

брось красавицу жену
в речку волгу
астраханскую княжну
будь недолга

настоящая жена
твоя яна
только обезвожена
только пьяна

жизни нету боже мой
пресеклось колено
даже будь моей женой
Лена

3 ГОЛОВА

НЕГУСА

СЕСТРИЦА ЦЕЗАРЯ

Ода

Тебя о черная царица
Поет заветная цевница
И вторит голос твоему
Мечтательному и печальному уму
И мальчик что сидит у трона
Со взором , да, потусторонним
Глядит на нас издалека,
И своего увидел Ка!
Ты забываешь имена
И пятого материка,
И городов знакомые названья,
Тебе молились племена
На встрече что прошла в верхах,
Слепили изваяния сознания.

Царица спит и струны арфы
Легко касается перстом
В трубу вдувает воздух жаркий
Тотинью с золотым крестом.
Наперсники и музыканты
Себя отдав веселой пляске
Гадалка разложила карты
И звездочки на небе яркие

Когда рабов в железных робах
Везли магрибские торговцы
И в море опускали гробы
И руки жалили червонцы
Как кровь вскипевшая на солнце.

Но нет царица не забыла
Колонизации поры
Того которого любила
Тот утонул...
Рыбак рыбак с твоей осанкой
Кружится в легком челноке
В зеленом море в море жарком
И смерть стоит невдалеке

И твой народ морской веселой
К святой Варваре к Деве Богородице
Не обратит мольбы тяжелой
Единым духом в утлой лодице.

И твой ковчег со ста зверьми
Уже доплыл до Арарата
И птицы разноцветными перьями
Как у индейского вождя-то!

Народ вложив в уста молитвы
Единым хором ходит по небу
И континентом плодовитым
И стала ты его иконою

С тобой, о черна Богородица
Я выкурил три папироски
Фотонное радио здесь ловится
И китель я накинул плотский

Пусть мирный штиль перед архипелагом
Стоит вперед тысячелетье
И там пусть ходит в виде нагом
Там человек и его дети

Твой райский сад не позабуду
Смогу ли я там очутиться
И сколько на моем веку
Намерено и сколько жизнь продлится

От наших бунтов крови, желчи
Глаза устали и не видят
Хочу сказать по человечьи:
Колыбель мира Africa mina!!

ТАМАРА

Комнатвори и в граненом стекле
Ты не исчезнь не стань паром
Он в вестибюлежал на столе
И не фонарной Тамары

Эта Тамара сахар не ест
И не пьянеет как видит тычинку
И карамельный и сахарный крест
Без наполнителя и без начинки

Эта начинка не сделает кровь
Слаще и сердцу любезней
Полночь уже очень светло
Не было будто болезни

Эта болезнь по имени два
Или же это молитва
дуй и на дюйм от тебя одуван
И Айболит Вам

КОЛОКОЛЬЧИК НА ШЕЕ

Колокольчик на шее пускай побренчит
У ручья на горе остановится взгляд
Преломили мы камень и наш Берешит

Для заклания жертву себе углядит
Среди черных и пегих и рыжих тех стад

Что пасутся по склонам где ягель живой
Наливается лампочкой красной хурмой
Виноградины глаз или мордой немой
Молчаливо к тебе подойти разрешит
И преткнется о камень и будет хромой
Бить в посудину только людей насмешит

На своем на щите начертай ты рукой
Не дрожащей двуперстной мелком угольком
Свой девиз я на досках плясал босиком
Вынимая занозы за шею клюкой
Не хватал и не красил тебе панибрат
Не срывал с руки перстень на двадцать карат
Не шептался с Фомой не считался лукой

И не знал где обмана где правды примат
Только слез был твоих голубой водопад
И как куколка детская весь перешит
Если только солома торчит из заплат
И кувшин золотой и колодезь пустой
И плешивый плюется плешивый спешит
Не успеет попробовать крови святой
И разлукой ночью не выбелит сад

Лишь морозный румянец звездой степной
Где заснул под сырою гнилою копной
Иль фонарные полосы небо пестрят
И откуда-то сбоку глядит долгопят
Как струит издалика ущербной Луной
И святою водою тебя окропят
Поле девичьим плачем и так порешит
Что назавтра своих не узнает опять
Что у ног твоих верной собакой лежит

ГОЛОВА НЕГУСА

1.

От вывесок горящих радугой золотой
До выстрелов зажегших в небе фейер
В морозный день бочоночком лото
Я стану в клеточке под буквой Ве-Ер

и будут думать яблоки в гусе
рождественском и жарко мертвом
как бы об эфиопском негусе
чья голова венчает этот торт мне

и этот крестик точно леденец

горит на куполе свисая с полотенец
считает деньги праведный делец
и всякий раз рождается младенец

рождается и будут уверять
что в скрипе петель голос детский слышен
как будто бы не будут умирать
те чьи глаза спелее крови вишен

2.

Лицо твое сковал гримасой смех
И кажется до головокруженья
На карусельке волк о двух осьмех
Везет тебя в страну воображенья

Так звери онемевшие глядят
Как ты поешь и ешь их мед
Они глазами не воспалят
Воспоминаний водомет

Что замер неподвижною струей
Взгляни так кровь твоя по кисти пала
Испуганная медным острием
Хотя навек остаться шестипалым

Спокоен ты никто ж не намекает
Что ты обманщик женствен и лукав
Рубашка алая на солнце намокает
И прячешь ты пустой рукав

3.

Говорят что человек – две птицы
И одна из них клюет зерно
А другая смотрит и косится
Не клюет и смотрит озорно

И во взгляде комнаты кружатся
Голову объемлют зеркала
Перышком могли вооружаться
Взятого в грудной аршин угла

И глядит одна веселым оком
И обманывает червяка
И поет, поет и вдруг умолкнет
у отколотого черепка

Только если птичка задохнулась
То другая в небо улетит
Комната над нею распахнулась
Это значит умер ты

ХОД ИПОХОНДРИИ

Кто остановится между правдой и ложью
Кто знает одно я тебя уничтожу
И участь свою не отягчит испытанием
Ни новой жизни не даст искупленья
Ни новой смертью умножит мучения
И преподаст нам основы питания
Лепту свою вознесет
А после тревожно
Вдруг задрожит и к тому
Что было и есть невозможно
В Кнессета ум возведет

Первому в букве явленному атому
К школьному ватману ногами ватными
К краскам гуашевым в новом экзамене
И ученическим к боли сердцами нем
Кто возопит и во сне бормотать
Будет и присно и падать без памяти
Язвами звезды зажжет
Биться двумя головными висками тел
Учениками иду как тать
И к водороду азот

Так не прибавит что в опыте бешеной
Крови не говорит как помешанный
В слове не видит черт жизни той
Той только той что нас не касается
И на людей ненароком бросается
Страхом веселым
Вспомнится все нам
Кислое сладкое уксус и соль
Вплоть до пропущенной запятой

В комнате елочный шар золотой
Отобразит лицо твое зеркалом
Или же детством навек исковерканным
Что ложноножкой растет
И распускается чревовещательно
Или манту дает отрицательным
Жалит тебя пятой
И из груди идет вынимать
икс под горячей плитой
игрек свинцовый кастет

Явится вдруг обезьянью мордою
Детство твое первое хордою
И земноводная мать
Плакать и требовать жалится холодно

Или же в сердце жидкое олово
Мыльной пеною
Будет стремать
И на поминках небесное колево
Темною веною
Кровь наливать

Или в твой ум никак не втемяшится
То что бечевочкой тонкую кажется
Или зажмурившись
Выведать гроздь
В пятки уйдет душа великанская
Впрок не пойдет вам кровь пеликанская
Только прищурится
Черный твой дрозд

На твоих знаменках старая мать моя
Ходишь одна как в невестином платье
Одна с веретенцем
Светит в оконце
В фильме немом
И в страшный суд небесное воинство
Только в купели у проруби моется
Сонно прощается
С юным Христом

Ты рассказал что плачет веревка
Лишь о повешенном детскою бровкой
И колыбельная
Морщит свой лоб
с Лениным Дельвигом
Пляшет сонм плакальщиц
В туфельках новеньких прячется лакомка
Глобус укладывает
снова во гроб

4

ЛЕНИНА ШЕЯ

НЕЖНЫЙ МАЙ

Нежный май стал вдруг горшим из празднеств
в сонном воздухе кружится пыль
уксус лакомей крови ли разве
этот вкус я уже позабыл

Ты как нищий цыганский ребенок
целуй руку коснувшись земли
в теневых мы и мокрых знаменах
поминальное солнце зажгли

Подожженный бумажный корабль
тонет в облаке жарких небес
нежный май ли стеклянный октябрь
мы сегодня хороним невест

МАК

Сорвала сегодня ты красный мак
и теперь он у тебя в волосах
стало жарко садишься в гамак
не забыться тебе в голосах

Солнце голову тебе напекло
и так сладко бы было вздремнуть
согреть в трамвае стекло
на серебряную ложку подуть

К этой ложке горячей ухи
детских грез уносится рой
расплескала рукою духи
что поделать с этой жарой

АННА КАРЕНИНА

Перечитай роман «Анна Каренина»
ты перестанешь быть собой о отрок женственный
в одном из русских школьных сочинений
был назван грех источником блаженства

Мяучит кошка – этот плач младенческий
в ночи мне сладко надорвет сердечко
но в голове опять звенит бубенчиком
смех мелодичный матери и девочки

Он убаюкивает время механически
он сам тебе тогда оценку выставит
и ты за ним попробуй обмани часы –
блаженны кроткие что грезят об убийстве

ПРОСТЫНИ

Неделю назад были они помолвлены
неделю в глаза друг другу глядели
и словно бы ждали знака условного
и вот закончилась эта неделя

А в новой неделе - девять дней
срезана прядь волос твоих
светлых и брачных нет простыней
на зеркалах белые простыни

Ах зачем вы так страшно глядите
словно ее и не было здесь
но ты поймашь взгляд Эвридики
у врат в Гадес

ФЕНЁК

Зрачок расширился под пятнышком копеечным,
исчезла тень моя в стакане комнаты.
Ты заговаривала мне ячмень,
а я уже тебя не в силах помнить.

Лемур с его лягушечьей ужимкою,
с хрустальным зернышком фенёк.
И ниткой белою колючею снежинкою
зеркально перевернутый денёк.

И прозевал я, когда птичка вылетит -
на снимке замусоленном печать.
Когда б моя не эта в мыле тень
еще я мог бы, мог бы различать.

Как шарик красный надували гелием,
и клеток пузырчатые слои.
Но оказалось, что о смерти пели мне
те канарейки песенки свои.

Бегу, бегу, едва дыша, по зебре я
меня машины накрывает тень.
В моей душе погубленная Сербия,
жидовский песенник, цепень.

ОХТА

Ты в трамвае едешь до Охты
первом утреннем. Ночь без сна.
И уже как будто издох ты -
твоя рожа в стекле видна.

И твое рассыплется тело,

словно сделано из стекла.
И с натугой оно корпело,
и младенца себе испекла.

И младенец уста отворяет,
и младенец стоит в глазах,
и младенец словца повторяет
словно бы о пяти главах:

«Мать моя, подойди к колыбели!
Что-то душит, душит меня.
И малярной краскою белит,
и по стенам пляшет луна»

На губе запеклась кровинка,
а сама не жива, не мертва
ты с трамвая сошла у рынка.
Так раскалывается голова.

ЖЕРТВА

1.

Глаз не оторвать от чайной этикетки
Ночью темная долина спит
Светит солнце сквозь каштанов ветки
Но картинка яд таит

Солнцем позлащенные фигурки
Невод глаза соберет в кружок
В их устах горят, горят окурки
Только шаг неверен твой, дружок

В этих кронах солнышком любуясь
Как младенчеге поют!
С светлым облачком сообразуясь
Сами мысли побегут

И бегут они за полог неба синий
Прямо к золотой луне
И горит в руках сестер Эриний
Твое сердце как в огне

2.

Выходит черный лекарь из аптеки
в свой пузырек сжимает жолтый йод
и ядовитая змея ацтеки
глотает солнце и его убьет

Качает шею с вздутым капюшоном

и закружится голова
под сердцем каплею прожженным
сидит ребенок годовая...

И к символу советской медицины
он тянет ручку мать ему грозитя
и смерть печальным черным капуцином
в его зрачке стеклянном отразится

3.

Вдень в волосы две голубые ленты
И лоб свой увенчай ты солнцем золотым
И будет день когда богоявлен ты
Услышишь богохульную латынь:

Ты прочитаешь слово manus dei
На руке солнышком наколотым
И сердце медленное холодеет
Серебряным небесным холодом

И совершишь молитвенную жертву
Одним покачиванием головы
И поклянешься этим солнцем желтым
Перед ударом в темя угловым

Глаза твои тяжелою ладонью
Закрыты в самой смертной из истом
Ты больше не услышишь слово Марадона
Как это было в восемьдесят шестом

ОСТРОЛИСТ

1.

Дни коротки но продленного дня
Медленна память и солнце плывет
Жаркое яркое и не видна
ночь словно в маске идет пчеловод

нюхает клевер славный труда
майские дни вспоминает в дому
где два окна твоя пирамида
жук золотой кормит вдову

не королевой вдовствует же
мячик кидает умильный сынок
яблоко лишь для удобства ежей
905-тый идет Кишинев

кровь не свернется в подушек пуху
рыбина в горле застрянет лосось

в жарком ночном стеклодувном цеху
колосом срубленных рыжих волос

зерна глотают крупные слёз
дети подсолнухом спелым клонясь
молишься ты солнечный ксёндз
злотым лососем бреет лоснясь

2.

Ты вычитай потерей сна
И прибавляй дня долготой
И умножай время рейса на
Зуб молочный и зуб золотой

Маслом топленным прогорк твой хлеб
Час в циферблате вышиб стекло
Старый шептальщик оглох и ослеп
В пустом дому стало светло

Шепот любовный в сумерек мел
Головоломку не смог разгадать
Продолговатой пилюлей ты съел
Сонной кувшинкой в ряске пруда

Рожицу зайца улыбку кота
Шляп коверкотовых долги поля
Не прибавляется дня долгота
Золотом блещут церковей куполя

3.

Спит дитя убаюкано песней
Две ладони закрыли глаза
Очень много ненашего есть в ней
И на небе горит звезда

Навевает чудесные грезы
и окутаны облаком снов
и несут золотые стрекозы
легче белого пуха сукно

И тогда отворяются двери
и спускают босые стопы
ангелочки кудрявые две ли
к ним ведут серебристых тропы?

И одна обрывается в море
сладко спать на дне золотом
словно бусина в мелком помоле
иль монетка в вине молодом

Ты на небо по лунной дорожке
легче белого пуха твой шаг
все равно ступай осторожно
ведь назад не вернуться никак

4. ОСТРОЛИСТ

Рассечена на слоги наша речь
и утомляемая ленью
сколочена ее надо стеречь
и предъявить до предъявления

сторожкие улавливают псы
твой страх и перекусят руку
как без руки перевести часы
на долгую на вечную разлуку?

и каждой клеткою без памяти вопить
чем старше чем старше тем хуже
клещом налиться и усыновить
того кого никак нельзя мне скушать

и ребра посчитать структуралист
и даже пальцы посчитать не сможет
и лис жующий остролист
письма лаврового не сгложет

историек что за полночь текут
или по городу в кафе заходят
пока его часы не истекут
сухотных ног не перебросят

а клеточка ручоночка и слог
посахарят уста и отравят желудок
ключной брелок и шейный позвонок
свинцовым грузилом я не отяжелею так

5. ЛЕНИНА ШЕЯ

Белая белая белая шея сломана мной
Солнышко нежит и нежит и нежит проспект
Желтые желтые желтые листья и их пережной
Булочник булочник булочник в печке испек

Как подожду целлулоидный как исцелюсь
Волос и волос стеклянный и долгий и долгий
Телескопический глаз искривлю и скривлюсь
Рот искривят искривят искривят кровотолки

И позвонок по спине как вагончик течет
Я проглотил позвонок позвонок позвоночник
Булочник будочник бубочник солнце печет

И обезболенных облачных солнечных без оболочек

Наволоч наволоч наволоч наволоч наволоч
Прорези прорези прорези прорезь для глаз
На сковородке лишь только желток и белок
Пища на дне на дне на дне улеглась

6.

Сквозь спящую щеку ты чувствуешь кость
И в башенках девятиэтажек
Утопленниц руки и лица и злость
Коротких и долгих затяжек

Как круглые свечи горят черепа
Столпившихся швейников в шляпах
В кофейнях затылков труха табака
И ты усыпляешь на лапах

Квадратом и кругом идет голова
И от заболевшего зуба
На облачный остров идет караван
По меридиану испуга

И в мертвых глазах виден рухнувший мост
Машины горящие фары
Блуждающим глазом ты чувствуешь кость
на острой кости он насажен

ОБЕЗЬЯНА И ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

1.

У сообщающихся сосудов
Когда кишки поступят к горлу
Тогда ты косарю косу дал
И сразу покраснела морда

И кирпичи весь пот труда
Впитали как сухарь казармы
Но только не было стыда
Ударил по ногам косарь мне

И заплясало тулово
Ведь у него остались руки
И музыкальною акулою
Глотай культи глотай обрубки

Так на вокзальной площади нищие
Танцуют с грацией пантер
И снова ставит лошадь бич ее
И зацветает иммортель

И в это солнце кровью пьяное
Вой похоронная труба
Топчи убийцей-обезьяною
Отчески свои гроба!

2.

Пять лет назад играли в шахматы
а в горле ябеда: иди искать.
сегодня дверь твоя распахнута:
к тебе пришла болезнь индийская.

как на сеансе спиритическом
вдруг оживает маска плакальщиц
и откровеньем месмерическим
не разобрать твои каракули

затоплен город машет палочкой
нам постовой кишечно-гнилостной
что было детскою считалочкой -
мы все теперь читаем Нилуса

испуганы газетной рубрикой
но поздно ставить карантин
сквозь крестные круги республики
иди безумный Катилина!

все в прах рассыплет верной картою
- мы стали памятью слабы
так на изрезанными партами
мы доски выведем судьбы

* * *

Бредет лунатичный ребенок
По комнате интерната
По небу плывет до подёнок
В серебряной лодке луна та

И дверь отворяется тихо
И падает длинною тенью
И мимо деревьев больших он
В волшебном идет сновиденье

И снами так перебинтован
Что море шумит в голове
И свет корабля золотого
Он видит на лунной тропе

И в лесенке ногу запутав
И сверившись с Южным крестом

Взбегает на остров Лапуту
В алмазного неба престол

Высокие эти ступени
Обвиты плющом ядовитым
Как в зеркало в пропасть глядит он
Его отразится паденье

И вот он в комнате детской
И спиртом сильно шибает
И мама держа полотенце
Отца голову пришивает

Отрубленную от тела
До белого месяца рожек
Ее баюкала пела
И сон прекратиться не может

* * *

слышу я смех твой, солнечное дитя,
на твоём лице виден некий солярный знак,
из таблицы горячей выхваченная деталь,
где рожденный из света упадет во мрак.

у подножья высокой лестницы сил
порождает электричество гальванический элемент.
не могу я назвать твоим именем, нет,
ни одно из известных небесных светил.

и вернется обратно из мира теней,
и живым на небо пройдет сквозь строй,
и умрет в один из последних дней,
и зажжет мне солнце погребальным костром.

* * *

И небеса, отяжелевшие луною,
Не помню я с тех пор, как стал ходить спиною.

Как млечный путь к экватору плывет,
Как солнцепек завязывает плод,
Вниз головою как висят приматы,
Совокупляются живые автоматы,
Дробится атом одноклеточным деленьем,
Кишит брюшная полость воспаленьем,
Как при инсульте умирает мозг,
И вслед за ним телесный тлеет воск,

Не знаю я, но отворил оконце
Тому, что понимают лишь японцы.

И темным диском солнечной короны,
И закаленным телом Аполлона,
И стеклодувным греческим огнем,
И что десятым пальцем мы загнем,
Косою дариевой колесницы,
И мрачной глубиной моей темницы,
Надменным небом и, куда я денусь,
Ножом тупым и Афродитою Пандемос,

Не клялся я, хоть не был суеверен,
Чеканить деньги отдавал евреям.

Кто над ретортами корпел из цинка,
Обманывался идолами рынка,
И изъяснялся как глухонемые
Одними жестами и ноги кому мыли
И маслом мазали две мудрые сестры,
Кому потом молились осетры,
О чем всегда радеют неофиты
И любят недомолвливать спириты,

Не поклонялся я, но в руки взяв фонарь,
Тогда в природы заглянул словарь.

И удивился старцев волхвованьям
И к ним причудливейшим толкованьям,
И видно искуситель не дремал,
Как юноша я глаз не поднимал -
Из воздуха бескровного суккубы
С мужчинами могли творить прелюбы.
Не стоило вам духов вызывать –
Могут они на части разорвать.
Но снова книги старые лукавят:
Слепые души обретают память

Как станут вашей кровью наливаться.
Я каждый день курил траву-табацу.

5

КАЛОШИ

АЛЕШИ

АЛЕША

Проплывают пред глазами пешеходы и земля
А на ней деревья буквой йот и игрек тополя
Наш троллейбус плавно едет прямо по прямой
И сегодня воскресенье летний день и выходной

Мы с товарищем Алешей едем и едим
И едим мороженое впрочем ест его один
Да Алеша мой товарищ и садимся в первый ряд
Нашего кинотеатра «Пионер» стоим в дверях

Впрочем и в кинотеатр на американское кино
Не останусь я с Алешей лучше буду пить вино
Мы в дверях стоим и курим впрочем я один курю
И рассказываю Леше как по-немецки говорю

Говорить я по-немецки только лишь во сне могу
А курю я очень много стало быть занемогу
А Алеша уж не курит занемог и перестал
И в вине бы тож конечно он от друга не отстал

Скажет мама мне жениться внуков надо заводить
И об этом с мамой Леша есть о чем поговорить
Только Леша мой товарищ побледнел и похудел
Ну а я хоть ем не много очень быстро потолстел

Караулят нас болезни и у каждого своя
Хотя раньше пили вместе и курили он и я
А теперь курю и пью я он мороженое ест
И никто и в ус не дует что остались без невест

Видно что по одиночке расставаться надо нам
И несут уже веночки к нашим пох похоронам
Раньше пили мы с ним вместе одному дорога в рай
А другому в расчудесный неветшающий сарай

Может сжалится апостол хлеб один делили мы
И в груди один носили светлый образ Фатимы
И хотя не воевали пусть хоть в праздники войны
я смогу увидеть друга нет на нас вины

1 СЕНТЯБРЯ

Когда направимся мы за аэропорт
Вдруг опустеет улица с домами
Так неприметное произойдет
Вдруг изменение занает пух
Остались тополи от почты и до бани
Щекастых и табачных рассыпух

Всего один шажок один прыжок
От площади Калинина и вниз
Пошел проспект и мы с тобой дружок
По шею в сумраке уж к кладбищу плывем
И только лишь оклики оглянись
Уж поминай пока не оживем

И начинается учебный год
С улыбкой светлою приветного прощанья
Как будто вспоминает анекдот
И про себя заранее смеется
Ведь в новой сетке радиовещанья
Пустая кнопка продается

Конец забудет рассказать не сможет
Сменяют снова школьные базары
Сменяют выставки цветов пригожих
И в понедельник будет переключка
И несошедшего с чела и плеч загара
Следы покажет девочка-чумичка

Перекликались мы пересчитались
И сделали журавликов японских
Недосчитались пока перекликались
Мы одного в сравнение с прошлым годом
Васенька Платов тот что на иконке
На речке потонул в субботу

Вот так и мы с товарищем идем
От площади об этом вспоминая
Сегодня мы часы переведем
На зиму как на пояс на другой
На часовой когда перелетаем
Одной до стрелки тянемся рукой

И кажется а вдруг предугадаем
Ступив на солнечный квадрат
Что этой осенью придет беда нам
За нами брат из телефонной трубки
И заберет с тобою нас кондрат
Протянет нам глазастые обрубки

В двадцатых числах августа тогда
Встречаем мы с тобой такие лица
Что врежутся нам в память навсегда
Уродливы ущербны и ужасны
Они в устах улыбка шевелится
Глаза слезятся кровоточат язвы

а про себя и говорить боится

ЛЮДИ ПЬЮТ ПЧЕЛИНЫЙ ЯД

Люди пьют пчелиный яд
И на паперти сидят
Рядом ходят голуби
И собаки спят

В неудобной обуви
Ноги заболят

Мошками искусаны
Синекастые
И глаза как бусины
Дремлют а глядят

К ним идет с лекарствами
Сонными таблетками
Золотого царского
Со стола обедками

Врач врачей и докторов
Доктор молодой
Он идет на срок вто-
рой

Ты станцуй цыганочку
Песенку пропой
Про мертвую панночку

* * *

у самого глеба у морева
у марьи степановой самой
уже есть дети по-моему
и папа и мама

и даже у димы данилова
и даже у дани давида
и даже у сокола милого
есть книга

и у илюши кукулина
и у мари майофис
была своя загогулина
и пропись

и даже у леши денисова
и даже у кыры медведа
и у вячеслава фетисова
есть баба и деда

и у вячеслава иванова

и у андрея сенькова
любимая есть обезьяна
любимое есть насекомое

для многих и многих вещей нам
бывает дана голова
она есть у льва рубинштейна
и даже у лосева льва

август, 07

ЛЕГОСТАЙ

Кто утешителем выступит нежным
Легкой рукою слезы утрет
В домохозяйстве будет прилежным
Вымоет пол и все приберет
Прямо спасенный Витька Убийца -
Суд начался уж и метил вышак
Был под аффектом и вам не приснится
С догом жену... и решился на шаг

Вот так и наш живет приживалом
А никого ведь не убивал
Мать его от груди отрывала
Как Кабыздоха кто здесь не бывал
Не рисковал умереть под забором
Живехоньким эту смерть перенести
И посмеяться над собственным горем
Легкий снотворный акафист прочесть

Сможет веселеньким голосом спеть нам
Как наслажденьиц надо бежать:
«Детская смертность ах детская смертность
Когда же научатся тебя побеждать»
Смертную муку телесным процессом
Плач ритуалом беззубых старух
В тонкие стеклышки смотрит не смейся
Дернет за пейсу насмешливый дух

Скажет Зубатов здесь привыкаю
В полночь осеннюю полон вокзал
Теплый агдам в молоко я макаю
Вот что Зубатов мне рассказал
Ночью он здесь целовался с бомжами
Пушкина им наизусть рассказал
Краснокирпичного дома в пижаме
Ночью под лесенку не заползал

Вышел оттуда совсем уж под утро
И не преминул сорвать бандажей
Сморщенных синих и черных раздутых

Мертвые трупы видел бомжей
Как через год возвращаешься в город
Ходишь рассеян и ищешь часы
В «Рафике» белом водителем скорой
Матушки-смерти маршрутном такси

В полдень стучатся в железные двери
Новые вместо картонных дверей
Люди сбежавшие из богадельни
Дикой пугают своей болтовней
Дикой безумной и рвутся в палаты
Скотчем заклеят закрытый замок
Что же стучащему не отворят и
Что же как в детстве от страха ты взмок?

Вышел на улице ходят цыганки
Детям на хлебушек просят подать
Страхом не чуешь не чуешь обман ты
Как и они начинаешь гадать
Ты повторяешь одно МАНТЫ МАНТЫ
Еще не ешь на вокзале речном
А уж жуешь вдруг и видишь Саманту
И письма счастья и ходишь ручной

Выпятит бельма пустые врачца
Зеленоватый иконостас
В книжном шкафу но тебе не молчит
Шилом скорей ей выколи глаз
Пламя сменяется чадом угарным
Выколю глаз а потом приклею
Сахарным липким нектарным
Сладким бензином тебя оболую

Рано ты блядь на тот свет отправляешь
маму мою.

Начинай же лечить
В свой же подол себе оправляешь
Рук не хочешь мочить
В комнате двое нас кончится время
Ты календарь не листай
Лаем встречаем тебя во дворе мы
Брат Кабыздох и брат Легостай

НИКИТА

Новогодник такой человек
Что из Киева выехал в ночь
На перроне назначил он встречу
Снегиру а у Снегира дочь

Дочь которая тает и мерзнет

Зажимая сосульку в кулак
Но она лишь краснеет морозно
Вокруг сонно застывших зевак

Дочь растает как лунная пчелка
И гуляет по парку с отцом
Иногда она по носу щелкнет
Мальчуганина с красным лицом

Мальчугане народ боевитый
И они приготовят снежки
И ватагой на крепость Никиты
Набегают как волны морски

А Никита от пчелок зажмурясь
И от легких колючих снежков
Гонит мальчуганскую дурость
Леденцовых жует петушков

Снегир скажет ему отогрею
Я тебя когда дует метель
Не замерзнет река к Брадобрею
Новогодник несет свою ель

Днепр река киевлянская быстра
Прямо в Черное море плывет
И к Никите на пушечный выстрел
Мальчуган никакой подойдет

А луна уплывая в Карпаты
Вместе с дочерью Снегиря
На вокзале на том на крылатом
Новогодние звезды зажгла

ПРОГУЛКА

Надкусился кусочек ластика
Полинял полинял крепдешин
Я сегодня сделал гимнастику
Надточил послюнив карандаши

Седня первое вспомнилось майского
Вылезаю как крот из норы
Мы играем против международного мастера
На сеансе одновременной игры

Ну а девочки прыгают в классики
И в скакалку и катят серсо
Мы деревья повсюду облазили
По дорожке прошлись колесом

Побежали бежали за солнышком
Из вагонов махали платком
Держит руку сестрица Алenuшка
Под водой обожглась кипятком

Что-то кашельной нас закалкою
Греко-римской борьбы кувьрки
Вот ведут нас с тобой в музыкалку
Где играют в четыре руки

По рукам по рукам нас дубасили
Даже след и тот наш простыл
И потом мы плавали в бассике
Но никто кверху брюхом не всплыл

Вчера были с классом мы в тубике
А теперь ели ноги плетут
Мертвых жаб электрически трупики
Батарею схватив и плиту

Наши лекари пекари и аптекари
Из бутылочки капли дробит
Над кофейными кровоподтеками
Выступил цианид и карбид

Пили чай мы в фонтане купались
Или это настой из вина
А потом мы в воде бултыхались
Пузыри пуская со дна

Каждому вспоминается разное
Кто по улице фрунзы идет
То фурункулы безобразные
А тому медицинский обход

Наконец мы дошли до мечети
Миновав ритуальных услуг
Крематорий для виночерпиев
Там где бабушка лечит испуг

Видим минаретные башенки
Видим купол обсерватории
Там книги и священное мясо
Только не для нас приготовили

Сняли обувь и сели на лавочку
Словно школьную парту за
Только нас как в подушке булавочку
Увидали не сняв картуза

Вот выходит мулла а по радио
С минарета пропел муэдзин

За такое бы нас не погладили
Будто нюхаем мы бензин

Он спросил нас к нам оборачиваясь
Так сурово и строго спросил
Кто такие здесь околачиваетесь
Он как будто бы нам пригрозил

И один из нас чуть не вымолвил
Будто русские дервиши мы
А другой рот зажал чтоб по имени
Мы помехи и головные шумы

Ну а наши фамильми исписаны
Все заборы и глухие тупики
Подворотни закоулки и пристани
Где о нас пропоют петухи

Из мечети мы вышли веселые
Словно в голове у нас тюк
Словно снова ходили бы в школу мы
Жаль не с нами был друг наш персюк

Мы искали глазами метро
Долго ногу больную выхаживая
Оземь грянулся и падал замертво
Матерился во сне и все спрашивал
Где же где же прима «Петро»?

ЧЕРТОФАН

Где картинка на проволочке прикреплена
На картиночке чертик с рогами бровями глазами
И прокручивается падает как сотона
И другая за ней появляется перед нами

На картинке другой видна черта жена
Так красива что страшно а вдруг
Нет не в черта в тебя она влюблена
Что побьет тебя чертика друг

Дальше чертова бабушка из обезьян
И летучей родни и плавучей морской
Словно с лодочки кто-то глядит в океан
И шагнет и скакнет за тобой

Где же провлока ввинчена та – в голове
У тебя - на стене, на руке – у тебя
Словно бирка и словно мотор, муравей
Ты беги поскорей утюга

К своим братьям беги муравей в свой шалаш

Муравейник-шалаш расскажи что видал
Но картинка-шалаш мой малыш по ногам
Ты беги и кусайся и плачь

Потому что шалаш твой раздавит ногой
Тот с картинки и проволоки чертик живой

ОШ и СС

Две куклы на руках и ты посреди кухни
И в сторону большие туфли
И на руке двуострый сапжок
В другой руке лишь тростка батожок

И вот идешь идешь в зеркальном танце
И замерла и за спиной на ранце
Торчит труба и зеленеет медь
А заведешь часов велосипед

И на кровать по лесенке поднявшись
Второй этаж где будут спать обнявшись
Две куколки башмачные пока
Не перечертит тростка потолка

Часов полдневных этих жаркой тенью
Где камни спят и ноги жгут виденью
Движения чьи ты повторить смогла б
Коль тень твоя была не так смугла

А тень твоя смуглей была древесной
Смолы коры и темной крови тесной
Но вот и гость твой ставит чемодан
И прямо в лоб тебя поцеловал

И ты исчезнешь только за стеною
Все в той же комнате где часики стучат
Где все ты окна пол посуду моешь
И таракана усики торчат

Антенны две и взгляд его темнеет
Как ставит чайник гость
И наливает
Себе стакан

1 НОЯБРЯ

Черное мертвое озеро спит
Лапа когтит купорос молотит
Мизерикордией едкой слюной
Харкает каркает город больной

Ровно четыре отмерив шага
Вышел на улицу сам пустельга
Плачет кукукает кормит икрой
Черной откупорив город больной

Вот и вокзал и с гостиницы в ряд
Ночью вчерашней вниз полетят
Как полумесяц серьгою морской
Прямо на дно глубины городской

Прямо из моря где вышибить глаз
Сможет вам только где падает паз
Плачет кукукает без топора
Плаха осталась закурим Петра

Черный мой Петр твоя ли зима
Осени жадной бьет закрома
И ноября запоет Колыма
Га и еще четыреста га

Немцы построили крепкий домок
В сорок восьмом и выходит дымок
Прямо по Ленской из черной трубы
Где топоры кумары и гробы

Стерта нога на ней два сапога
Плачет кукукает ночь пустельга
Если слегла сорок два бугога
Будешь пришептывать дней кочерга

Корнем седьмым ноябрем жестяным
Выбьет дух вон ремнем пристяжным
Плакали дети боялись чертей
Черти смеялись и били детей

Кто заносил выносил всех святых
Первый ноябрь самых простых
Кончился день начинается ночь
Долгая темная в ступе толочь

Если толкнешь упадет пропадет
Выкроит время простуженный крот
Мной и тобой будет бить в небеса
Из под земли где лишь волк да лиса

Плачь же дитя и в подъезд заходи
Там где дрова вместо обе ноги
Руки воздень и падай на гроб
Осени черной и черной как лоб

ВТОРОЕ ВИДЕНИЕ ВИТЬКА

спит витег и видит сон
прадед его в ейске
вот идет к наф-нафу он
с индоевропейцами

был витег а стал ниф-ниф
потому что иванив
будет он в Баку писать
будет он блоху кусать

чешет бок и чешет репу
дай сменю фамилию
я люблю Борис Анрепа
Данте и Вергилия

открывает Ар Нуво
пишет Нику Кононову
ничего вульгарного
но зато прикольное

знаешь Коля я к врачу
Вячеслав Иванову
только Всеволодовичу
приду с икебанюю

говорю признайся быстро
ты ли это написал
пради-прадионисийство
на боку пока я спал

И Иванов отвечает
да, это я!
Написал я, кто не знает
четыре Евангелия,

Одиссею Илиаду
и Подземные ручьи
Этим летом в Мариенбаде
Были чьи? были ничьи.

про "беременную раю"
Коля на спор, гой еси,
я тебе не привираю
хочешь Кузьмина спроси:

если ешь лапшу по-флотски
таково предание
то к тебе приходит Глоцер
утром на свидание!

ПТИЧКА

Уже стряхнул я спичку
и чаю заварил.
и думаю про птичку,
слетевшую с перил.

Про то, как в небе синем
она поет, летит.
ее перо в перине
колючее лежит.

И там она с другими
слетается в квадрат.
и в этом птичьем гимне
мне слов не разобрать.

Как будто в своей смерти
меня она винит.
и в мой затылок метит,
и в солнечный зенит.

«На этих щеках детских
пусть первый пух сгорит,
я жду тебя в мертвецкой». -
мне птичка говорит.

1 ЯНВАРЯ

Господь Иисус да сохранит исподницу Элен
Зельченко

Коротких проводов когда
с мороза ты пришла -
Встречать я вышел и Агдам
что в книжке я прочла
И мы сидели за столом
и передача шла
И ели мы салат потом
плясали вокруг стола

И передача шла речей
переключал канал
Не передали лишь ключей
и ты не проканал
Мы танцевали ты и мать
короткий интервал
И начинало донимать
и я заколебал

Под музыку я танцевал
со мною две сестры
Кого ты в лоб не целовал
два и один есть три
Хоть Зингер шьет не по мездре
но время шьет быстрее
И нет на лысой голове
летит болид бобслей

Остались с матерью моей
за ужином одни
Сидели мы угрюмые
над рюмками огни
Мы пели песню в этот раз
ты ноги разомни
Пересчитай по пальцам нас
и снова их согни

Ты видно рук не разнимал
ты ног не разминал
Пускайся в пляс чтоб нас нема
чтоб полным был провал
Бессонная глуха нема
был ночи перевал
И ты был глух и нем тапан
кто с нами пировал

Кто нас на Эльбе обнимал
тот до отвала ел

И кто зевнул и кто Ваал
и кто верблюда вел
И кто до фонаря довел
кто первый овдовел
И часовому рядовой
был лишь прелюбовед

Проснулся я уже темно
уж сумерки легли
Пока вы ужинайте мной
ты иволге налги
И под щекой наволгла ткань
позорные волки
Пока кудельки лапоткам
отдельны молотки

Отдельны молотки в часах
и стрелка есть рука
Гляди пока ты не зачах
часы - механика
Раздвинь мехи гармоники
сломай маховики
Мехди неугомонники
и уголовники

Ты прогони головняки
и выйди на мороз
Что против друга за грехи
из тысячи борозд
И колея и борозда
и ты Элен моя
Проваливает дом звезда
и околею я

Проваливает дом звезда
Квадратная

...И когда гибкая фигурка гуттаперчевого танцора
Опрокинется и пристукнет вас кивком из купе,
И из самолетика двухместного мира мельхиора
Поскользнется на снежной крупе,

И пошлет такой приветик нам - летайте аэрофлотом!
Делайте как знаете, а я вас ставлю в ничто,
Нас которых назовете кипяченых сухофруктов живоглотами,
Которые умирают во взгляде на него,

И тех, которые окоченелые как холодная земля
Лежат и подняться не смогут, не смогут, не смогут больше,
За которых даже сказать не смогут ты или я,
И даже камерунские черные кладбищенские футбольщики -

Разровняйте зеленую поляну земли, и за тех, кто погибли
Бейте в кость и рвите, вырывайте убивающую яму пустоты,
Выньте ее из земли, дети, никогда не читавшие Библии,
Выньте яму из земли! Выньте ее из земли!

Не плыла чтобы больше толп голова, оставив в землю гляделки,
Чтоб бессильной рукой горсточку не несла, боясь донести,
И в отдельную комнатку смерть вбейте, вы, земледельцы и земледелки,
Закопайте ее во Христе, закопайте ее во Христе.

21.02.08

ПЕРЕСТАНЬ СЧИТАТЬ ВЕРСТЫ

Стихи, не вошедшие в основное собрание

моя знакомая врагиня по половому чувству и неприязни к грязи

>> полей ее зовут дочь Дину родила
>> я не знаю никакой приворотной мази
>> которой можно излечиться от всего в чем мать родила
>> напиши мне систе пространное письмо
>> как живет в саратове и в москве в духе писбе5м тех
>> что ты присылало мне когда то чтобы я разобрался
>> и покопайся перестал в себе
>> сегодня день рождения сесирицы моей Софьи
>> которая нарисовал близнецов негра и белка на пластиночке моей
>> я тебе это говорю потому что одни лишь двойки
>> у тебя самой красивой из неземных дочерей
>> и еще у Ласкиной Наты седня день рождения
>> та в полночь а та в полдень родилась
>> утро падения и угол отражения
>> породнились вчерась
>> я докуриваю вторую пачку мальбора
>> только ответь мне ответь ответь
>> мальбор неизменен его Родионов
>> курил в прошлом году в НСК и ты у нас есть
>> расскажи о том как бегут твои мысли
>> куда ходишь в чайный клуб или в дом кино
>> и я тогда бы смог поразмыслить
>> о том что хочу говорить с тобой о нем
>> он том о чем ты поешь вечно в москве и на утюбе
>> и какой бывает наш с тобой долгий разговор
>> какой бывает во время коротких прогулок
>> хор и лисонька вылезет из нор
>> я не мог с тобой говорить потому поцеловал руку
>> во время последней встречи (апрельской) майской с тобой
>> муся кошечка моя мяукает
>> и в барнауле рец и коля меня ждут
>> я расскажу о них в следующем письме к тебе
>> о том что я видел что бывало и что жевал
>> и я опять думаю о Дмитриии Пригове
>> и понимаю что мы заранее обречены на полнейший провал

23 ноября 2007 года

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Дождичек слепой проходит пасхальный
Под мостом где люки с когда-то горевшими лампочками
Об ночную порУ и поезд идет вертикальный
Где загадывать можно несбыточные желания

Вот и пасха у сестры ночь темнеет синяя
Снится потерянный карий циферблат на правой руке
А на левой синий темнеет и глаз собаки верной половинянный
Синий и карий зрачок собаки любимой моей фомы

И въезжает картинка портрет лиЦА-ЦАрицыного
По двум парам рельс в одну точку вошедшим
Разъезжая растягивая дыбою сердечка руки целые и невредимые
И теньё-теньгэ ее уже в зеркальце теплится
На ступеньку с лица несошедшая

Все теплушечки синяя и каряя вагонная камера-каморочка
Да хибарочки да лампадки да лавочки каменные
Где на белом мраморе белый тяжеленький сон дневной
Точно большенького тяжеленького несет мой папочка
И уносит домой

А вполглаза глядит на цыганочку
В косынке синей в ситцевой синтетике-пестрой
Да изношенном до блеска шерстяном трико
Перестань считать версты перестань считать версты
И пляшет угарно-кумарно цыганка вокзальная
И легко легче легкой легко

БАРРОКАМЕРА

белая курточка поворот головы
черное платье и ноги послушно проседают в шагах
минуло две дни
затем появились
с коляской та же с ребенком
трехлетком
на третий день родила

молиться что мылиться

вода мыльная
падала с темечка
на спину

маски наносят
кофе он черен
лицо побелело от гнева

я побывал
в шаре стеклянном
возле театра
кофе там пьют

вот бы приехал Филипп
или я к нему снова поеду
вот бы приклад мне отдал своего бы ружжа

все одинакового роста
ходят люди по той стороне проспекта
а вот, Сокол сказал, в барокамеру бы вдвоем посадить

ДА ЗАЧЕМ В БАРОКАМЕРУ?

комната есть
прибрался сегодня
22 37 сейчас
можно жить
максимально комфортно

тетя вчера приезжала
глаза разбегаются во все стороны
пьяной бессонницей
ходили в парк мы Нарымский
там поминали
жертв атомных катастроф
и репрессий

и тетя сказала
все что было до 1946 года
когда родилась
ей непонятно

родилась она в полночь в грозу
в Куйбышеве ветви ломали и крыша ходила тогда ходуном

Радуница вам победоносики-долгоносики
Радио день день печати
день карломаркса

а нам 9 мая

ну а у тети тоже комната есть
ангажировать угол

22 41

завтра ты улетаешь
на самолете на утреннем
рано

до аэропорта
можно еще мне добраться,
надо уже выходить

А ЕСЛИ ВДРУГ НЕТ?
А ЕСЛИ ВДРУГ ПРАВДА?

ТАНЯ

Таня несет над головой
Узелок
Идут через речку Бердь
Конный брод
Двадцать пионеров и пионерок
Пятиклассницы
Тина
Ноги в тине
В иле
Нет не кричать
Во рту немая трещотка
Нет отопления
Чтобы все не утопи
Пионеры и пионерки
Таня брод перешла
Здесь в деревне Ключах
Нет почты и нет телеграфа
В 55 году пятый класс
Но все работает
Страна
Живет

Сегодня видели люди
Старый Бердск стоит на дне обмелевшей Берди
Мало было дождей
Водохранилище – море обское
Совсем обмелело
Выплыл старый бердск над искитимом
Я в барнауле ноги омыл в тебе,
Бабушка-Обь

Поминальные конфеты
Много-много горести
И от сладкой сигареты
Шоколадки пористой

А от вкусной сигареты
Леха куришь куришь ли?

Медицинские кареты
(и кукареку лишь)

О ЕГОРУШКЕ

Небо белое гаревое-гореванское
И дорожки по нем
С горы самой на станции Ереванская
Облегчают подъем

Мы пойдем на горку на гору
На высоту где веселых бельчат и медвежат
Наши манагеры
Сторожат

На горе на горке на высокой горочке
Мы сидим и водичку пьем
И поем поем о Егорушке
О Егорушке поем

ЕВГЕНИИ

Как ходит Евгения с головой на тончайшей гибкой шее и как пляшет
Как носит цветы и мгновенно переобувается в чешки
Мы не видели мы не видали и как монетка ляжет
То будет на плешке

А на плешке что – никого нет - черта лысого!
Вам заплаканным студентам педагогического озорного
Ну хотя бы каплю кумыса на развеселые мысли
В половину второго

МИШГАНУ

Там где котлован теперь небольшой и с бревнами
Для кинотеатра и комплекса циркового
Был полынный холм высокий и ровенький
И там Мишган ходил домой отведать полынного жаркого

Миша Мишган жиган мы прошли по старой железной дороге
Пор камушкам и шпалам деревянным улицы столетова и курчатова
И увидели вдруг менору от которой до озера Болого
Ходят наши внучатые племянницы и их внучата

Миша крестик на груди твоей голой без единого волосика
Черные глаза крепости твоей дома
Менору менору мироносицам и умироносицам
Бабушки моей катаракта и глаукома

В ДУХОВ ДЕНЬ

С новенькой осью вращения
На довески плазменные горькие источники просвещения
И подвздошные подушки и ямы и области
Приготовьтесь в следующее (в это уже) воскресенье
Возвращаются бабушки дедушки тетеньки и дяденьки
баба Маня и деда Витя
Мы будем в Храме на кладбище старообрядческом,
Там с икон на нас поглядят
И все и мы улетят

Мне наверное простят
Синий свитер и дорожку
И столовку для котят
Воробью крошку

Скажет Витя подожди
Подожди еще немножко
Ты на нее повиси
И подрыгай ножкою

В январе я спать устал
И глаза закрою
Вижу вижу пьедестал
Не для нас с тобою

Спящий в постеле мертвого
побывавший в смерти во сне
Рыжий с улыбкой золотой
Вор армянин и мальчик-чечен
С растрескавшейся нежной улыбкой губой
Цирюльницы пышные в синих балахонах
Обесцвеченные бреющие хохоча
На вязках лежащего с фарджем оголенным
И два басмача
Все до единого похоже на две капли воды
Гудящие сестры фурии и нежные старшие-матери
Покойник впервые покушавший вкусной еды
Золотари старатели
Новые покрывала с улицы Энгельса
Майор помнящий старые песни и вкусные обеды
Но забывающий адрес
На улице постригают сады
Постригают сады, моя радость

Томительно мне нежиться
На покрывальце пасть
И греческое мыслится
На думочку припасть

О том как ходит чудочко
Девушка по москве
И блюдо изумрудное
Несет на голове

Все спят мои товарищи
А те что сторожат
Томительно без курева
Минуточки бежат

Под голоса ругателей
Молился на ступне
Здесь дурачок страдательный
Который в полусне
На носовом платке

r Lbyf

Человек вертикален
Рассекая его пополам
Я отдам его голоса красное мясо
И пусть прахом сожженным своим он завоюет райам
Разнесенного пламенем иконостаса

И спускается в форточку тоненький луч
На котором танцует пылинок сургуч

И запел я как ворон загробным чтецом
Как пылинки и камня чумные цветы
Ядовитого мира убитым тельцом
Прямо с пикой во лбу целым веером пик
И упал я во прах и от траурных лент
Ты пришла подняла пояском континент

Актеона живого твоею стрелой
Вознесла и восставила в холод и зной
Из Зимбабве и полюса Джинния Ты
Сорвала на могилах голубые цветы

Из ларца твоего умоляющий звук
И по легкому стану полетевших подруг
Оживи оживи и предстань предо мной
И из праха восставь меня в зной ледяной

Несчастье сулит нам встреча иногда
С безбровым человеком лягушонком
Он меряет коленку вам и заячья губа
И детский рот и детская мошонка

Когда танцует он под елочкой невидим
Немецких зайчиков заучены движенья
То кажется что это ты убитый
Скелетик детский или половинка

Здесь ходит и смеется карлик ослик
Цыган печальный в зеркале красивом
И кларнетист с крестильней похотливой
Своих очей и маятник-присоска

Печален утренник субботних дней
В сей санатории беспомощной и жалкой
И никогда не позабыть и расставаться до обиды с ней
Как будто жаба черная с фиалкой

Спустились сумерки и паутинка звезд
Она же млечный тополиный путь
Пересекает небо наискось
И по пушинкам Велемир внаступ

Идет себе ботинком сбив пята
И бибабо в его воротнике
Зубных свечей он них не помятую
Они уже сгорели в темноте

И молний шар проталила стекло
Где билась птица золотую пыль со крыл
И бабочка того что ожило
Летит туда куда ее рукою укрыл

И небеса поют: усталые просят
И на заре молитвы легкий плат
Опустится на землю для услад
И отойдешь на миг – его продлят.

28.06.2008

ЗДЕСЬ ВТОРАЯ НЕ ПРОБЕГАЛА?

МОРЕ

Море воеет и вдруг успокоилось
Месяца луч его пересек
То ли трескою оно перекроено
То ли корабль утоп

Как пузыри и бултых голова
Слабое вглубь молчания
Духи зовут всплыть острова
Или коры колебания

Холмик на дне рыбкой нырни
И потянись за кончик луча
И из могил море в тени
Вынесет два кирпича

Что привязал ты когда-то к ногам
Прыгая в острые скалы зеркал
Или на пух точно пух по ночам
Тот на который ты наступал

УТРО

Утречком мы умываемся
Ходим по свежей траве
А как оделись купаемся
Прямо в синей Оке

Лодочка бежит быстренько
И за протоку несет
Нас к пароходу как выстрелом
Может быть есть и кiset

Мы по собачьи поплаваем
Там в лягушатнике там
Где вместе с нашими мамами
Слышны гудки кораблям

Тетя Нюрочка, баба Аня,
Номер красный в книге телефонной
Как снегурочка сигает в пламя
Перепрыгну я к тебе с балкона

И схвачу обратно я в объятья
Из пожара своего прыжка

01 успею сам набрать я
В папироску заверну исподтишка

Сяду в поезд и приеду в Адлер
Вдуну в тебя новый табачок
И когда пойдет олимпиада
Закурю свой косячок

Только чиркну спичкой выйдешь ты на солнце
На незванный божий свет
А меня – чеченского японца
Оглянешься – нет.

Где в Баку валы земляные
Где дворов квадратов солнечные
Красные крыши кони стремянные
И красавцы с игопочки

Завяжи-ка шнурок оглянись
Не идет ли враг с вышки заявись

Где в Баку бабе Вале красавице
Одной из семи высокой понравиться
Не моги! Деду Лёшу гонит этап
А она одна на каблуках

Чистит мальчуган сапоги дегтем
Нефтью моют лицо ходят негром
И портрет тонкой кисточкой Вали
На этап дедушке передали

Где часовенка Параскева
И на кладбище с площадью
Я плясал с сестрою-молочницей
Но могилки не нашел деда

Авиаторское окно зеркало «иж планеты»
А в стекле баба Валя и деда
Красноярский Ромео на томской Джульетте
И за вас у нас будет вендетта

Стучит метро под библиотекой
И поезд проезжает сквозь виадук
И дихлофос замирает потехой
В воздухе завис Омам-Бийик-каюк

Мяч уже в сетке летит Аргентина
Марadona руки трет в Мексике после труса (землетрясение)
А Камарун выбегает безштаный безтрусый (воскресенье)

Я у телевизора и Пашка-сангина

Ломится в железную дверь дядя Лёня
Молотит кулаком и орет Пашка Пашка!
Мало силенок много пеленок
Страшного милого небо нежит барашка

Ходит Наденька на день рождения
Просит кутью помидоры и соль
Ну а теперь там за дверью железною
Съемный притон

Едет Захарка-дружок из Ачинска
В Ачинске яблоки геолога день
Бабушка Маня спит на диванчике
На старой нашей тахте

И когда вышел Виктор Вениаминович
Где-то в Юрге перекурить
Бабушка тенью метнулась аминь еще
Свиделись пушки стали палить

Бабушка Маня моя
Ты мне читала
Черную книгу камням
Малую долю купала

Ты встречала меня
В шаль завернувшись у школы
Я тебя предала,
Смерти смерти тяжелой

Я предала тебя дед
Вышел ты из дома
Скорую помощь тогда
Следовало уничтожить

Бабушка как я любил
Волосы глаза и ямку
Что на затылке была
И закрывалась панамкой

Я ничего не простил
Что же случилось такого
Чтобы мать не смогла
В тюрьму принести беломора

Бабушка и мама с Тетнюрочкой

Бегут в аэропорт провожать
Младшую Таню Танюрочку
В Нижний Тагил на дежурство и все хотят спать

Бабушка слепая туфельку потеряла
Тетнюрочка папиросы покупала
Прибежали вокзал пустой
Самолет полетит другой

Опоздали досадают баба Аня курит
Мамочка поет бабушка приплясывает
Весело хорошо только Таня горюет
Она на дежурство опаздывает

Прилетел самолет сели долетели
Танюрочка на дежурство в госпиталь
Мама с бабушкой гулять захотели
Поехали в сад городской волю воспитать

Так неделя проходит воскресенье
На столе газета вчерашняя
Утром Таня с работы в постели

Все самое страшное
Позади.
Тот самолет разбился и черный список зачеркнут

Деда Яша ты помнишь пешечку
Что костяшкой стучит по доске
Я ронял потерял ее вещечку
Потерял на флажке

Помню только что в комнатном сумраке
Ты стоял розоватый как слон
И твоей великой республики
Мне приснился прекрасный сон

В этом сне что тебе теперь дремлется
Что мое я возьму остальное раздам
И деревья колышут деревьица
Мы идем по фашистским гробам

Знамя ровно пока не колышется
Ровен воздух последней зари
И камышинке слышится дышится
Как живые летят снегири

Не спишь а время детское
Макушки нам стрижет
И встреча с твоим тезкою
Что ног не бережет

Перебегает улицу
На красный светофор
И подставляет скулицу
Веселый Христофор

И хочется и колется
И плачет невпопад
Ты вышел за околицу
Туннель и зоосад

Ночью снится комната плоская вроде
Но как зеркало глубокая
В комнате девушка в сепии водороде
лягушка и бумажная бомбочка

долгая комната часа четыре снилась
девушка неподвижна но разная
это жена моя то ли матери то ли мужчинка
мужчинка мой на кровати

а кровать вертикально стоит за зеркалом бабы нюры
которая курила беломорканал и родопи у магазина снежок
цыгане украли колечко украли бросив на пол ее понуро
но она встала и на мизинчик твой дует мой перстенек

ГРОБ ЛЕНИНА

И пока поднимает давление
И пока опускают на дно
Весь замоленный красным гроб Ленина
Я к тебе обращаюсь мой дядя родной

Да уже позабыв обо всем мысли мечутся
И четкой стучат башмаки
Вспоминается то что не лечится
И на раз выпускает кишки

И садятся в кружок и закуривают
Те морские гробовщики
И от солнышка глазки зажмуривают
Выбивая мозга из башки

И отравленном липовой плесенью
Облысел от птиц океан
Моряки по веревочной лесенке
Поднимают его вверх ногами

И тогда единым движением
Он берет и делает шаг
Совершая кораблекрушение
И себе отряхает пиджак

Словно око живого циклона
В нем встречаются крейсера
И проходят они непреклонно
Через солнечное Ура

И всегда угрожая помпеями
Друг сквозь друга проходят расставив носы
И темнеет зрачок от затмения
На земле помрачая часы

И из центра циклона украденный
Вылетает сквозь ухо ее
Той медведицы малое радио
И собака цветок твой нюхнет

И восстав против усыпления
И собачников перекусив
Принимает усыновление
Щен и Лиличка акушерский курсив

И тогда над заливами с финками
Над гудзоном бискаем без – квиты мы
Вылетают из облака льдинками
Вера Лена Люда и Оля москвитами

И тогда на летающей двери
Что когда то сорвало с петель
Вылетают из полусферы
И берут на прицел капитель

И тогда протокольными плоскими
Нашими рожам с паспортов
Мы встаем Хиросимой японскою
И Хатынью голосов

Мы встаем черноземом и порохом
И чернобылем семипалатинским
И проходим мы шухером шорохом
По гречишным и липовым псекам

И тогда над гондваной израненной

Разворачивается экран
Что лукавые дщери израиля
Заворачивают в синюю ткань

И четверка теней наших душ двойников
Поднимаются в рост к парусам облаков
И берут изо всех рудников родников
Кровь т воду кольца рудокопов быков

И кольцо это крутится вертится
Точно некогда шар голубой
Это не колечко а перстень
Называется черной дырой

И тогда улетевшие розой ветров
Набегают обратно берега облаков
И с высот электрическим
Точными стрелком
Шаровую оптическую
Молнию над виском

Запускают в ту точку зрочка
Расширяющегося до предела
За пределы полета жука
Что на лоб царицы приделан

И когда на мизинчике миге секунд
Что из памяти света навек пропадут
Появляется призрак девы речной
Что зовется надеждой что зовется луной

И сошедшись однажды две доли ее
Снова стали руками левой и правой
И укутанные в забытье
Вспыхивают над дубравой

Словно лодочки две словно солнышка три
Словно брат и сестренка с поклоном
И собака их смотрят над тронном
Где краснеет полоска зари.

25.07.08.

Белые как молоко
Сонные как кувшинки
Как лежбище бельков
Падающие снежинки

Падающие углом
Бумажного самолета
В скатертью дорогом
Смертном полете

ПРОЩАЙ МОЛОДОСТЬ, ЗДРАВСТВУЙ ШКАФ

ШКАФ

Белая комната в комнате шкаф
Греют солнечные лучи
Спрятаться в нем спрятаться кайф
В пустой комнате тени людей

Спрятался сладко сидеть или спать
Проснулся работа стоит
Хочется вдруг выползть напугать
И рассказать как ты посреди

Шкаф старый ручки к нему
Приделал захлопнется со щелчком
Тянет ребенок ручки к нему
Солнце играет в доме

В солнечной комнате вырван квадрат
Шкаф унесли на помойку
В этом шкафу жизнь твоя вся
Ты водрузи его громко

Ты водрузи подсади своего
Сына на верхнюю полку
Или спляши на этом шкафу
Старую страшную польку

Да это страх мука и плач
Детство забыто и новый
Шкаф водрузи в пустой квадрат
Комнаты переименованной

Комната и ее пустота
Вдруг наполняются скорбью
Ты был один стал ты вчера
Времени сладостью сгорблен

ПОДЖОГ

Двое спиною вперед выходят обратно,
Двое. Две тени затылками стукнулись.
Двое понятые превратно,
Двое, две тени преступников.

Алтарь на котором жертвою пешеход,
Костер на котором факелом авто,
Вокруг храма разложили огонь на живот,
На живот и смерть невесты Христов

Вой сирен от огня, что повалит в притвор
Все святое семейство с иконы бежит,
И младенцев святых с мчнц разговор
Поприветствуют пламя, и пламя достанет ножи.

Только сторож церковный, слышав шепот двух беглецов,
Двух преступников поджигателей мечь,
Засвидетельствует эту смерть, смерть багрянцов,
И разбойников если сможете произнести,

Подражайте Христу, он, Девичий Христос, не бежит,
Из горящего храма. Разбойников пламя и нож
Угрожает ему и самосожженный горит,
Говорит он лишь: открыто себя уничтожь.

ЛЕСТНИЦА

И на белой на лесенке начал курить
Папиросу за папиросой
И по лестнице белой стал восходить
Чтобы вмиг пошла кровь из носу

Высоко высоко как игла кипарис
И красива табачная туя
Высоко заберись высоко заберись
Спой нам песенку эту простую

На холме по которому лестница шла
В обшлагах пальто запинаясь
Или почта воздушная письмо принесла
Или лавровый листик Синая

На вершине горы распускается сад
Дождик льет промокаешь до нитки
Это сад где на яблонях сердца висят
И на деревьях тряпок агитки

Эти тряпочки с платьев красавиц иных
Что за белую дверью ограды

Это тряпочки тех кого хоронить
Никогда не узнаешь отрады

И за белой стеной слышно голос поет
Эту песню простую
И когда за ограду войдет пешеход
Сердце бьется его вхолостую

Вхолостую розарий хотя оскорбить
Голосами живыми живыми
И глазами не знающих этих орбит
Погляди на нас сожжены мы

Это прах телефона печального звон
Колокольцы арбы погребальной
И звонок на воротах не знает где он
Нашей церкви хозяин пасхальной

Голоса до звонка до заржавленных труб
И пока начиналась побудка
Голос тенора по петушичьи груб
И в петлице его незабудка

День открытых дверей будет в нашем саду
Конопатить будем скворечник
И черешенок вишенок хор и в бреду
Голос вишен и груш и черешен

То на яблонях груши и вишни цветут
Это садик что помнит рассудок
Как по лесенке белой как белый испуг
все анюток твоих, незабудок

ГЛАВКА

Кухонной лампы сгорает патрон
Схлопнулись пальто полы
Там где просторно взрыв нейтрон
Исчезли оба два Севастополя

Бомбардировка и высота
Краткая речь в верхних углах
Солнышко застит солнышка красота
Померкла на каждые сорок глав

Пламя горящее серное газ
Знай что и звездочка газова
Выколи глаз теперь выколи глаз
Будешь потом рассказывать

Как в темноте без головы
Сутки пустые два дня гулял

Листики тянут ручки травы
Детики бритые наголо

Наголо вверх пугало вверх
Метлами все почистили
Из головы вынули нерв
Землю набело выстели

Выстели мне прыгай звезда
Ты с небоскреба отчаянья
И пароходами трубными, да!
Комья воспоминания

ТРАМВАЙ

Квадратный трамвай карамельный вкус
У портера мостик и поле и домик
Идем по фабричной и наш мясопуст
И ромб как барвинок умоет

То гробика ромб или крест на челе
Медсестер горит с полумесяцем
В больницу ожоговую едет в седле
На койку пустую уместится

Та койка пуста от двери до окна
Квадратного как одеяла квадрат
Украл и бежишь только в обморок сна
Не спрячешь то что украдь

Как Африки желтой трамвай молодой
Въезжает в наш дом голубой золотой
Так в комнате старой в комнате проходной
Распоротый шов с болотной водой

Болотцем мы шли и дошли до стены
У окон глазищ на тебя командир
Тебя донести где мы были должны
И дать мандарин отобрать у задир

Кровать что пуста над тобой медсестра
И рана квадратная просит бинта
И рама оконная страдает пуста
И нежность спасенная ждет рождества

Покурили рабочие сцены
И взвалили выбивать пыль
Этот занавес Авиценны
Медицинский автомобиль

Из проглоченного стакана
Нараспев качая рукой
И второй помогая не падать
Искаленную дугой

Он сорвался самый тревожный
Только в петле запутав башмак
Поднимался назад осторожно
как проносится товарняк

так платок растянув на пальцах
снова свертывает в кулек
в ожидании зубоскальства
уплетающий мотылек

Выкройка старая вдруг оживет
Платьем цветастым заходит по августу
До смерти счастьем так зашибет
Что не опомнишься в избушке по адресу

Что за избушка? Шуба, автобусный
Старый Лиаз зализанный пот
Помнят кружась облаками микробы все
Что человек украдет

То что украсть – красота- сон –часовенка
То что украсть - сердце ли выходной
Как у совенка слоночка особенно
Скажет отдай а с рукою одной

Вот что прогулка сад улица Красная
Образ в душе раскроет одет
Книгу разломит и карту атласную
замрет напугает и пропадет

Похоронен и в карту мира завернут
И газеткой прикрытый что шапкой носил
Тосковал и молился о Рине Зеленой
И как будто о матери голосил

Растопчи мне свободу выпрями из угла
И платком перережь косицы свои
И забей меня в комнатку где умерла
Моя жизнь чтоб вернулся обратно в рай

Вымой комнату все прибери меня нет
Да и не было помнит ли кто – никого
Погляди на окно наведи пистолет
Стрельни в лампочку вот и исчезло оно

Только кто-то расскажет как вскрыет тебя
Возле горла барашка-ребенка-божка
Это ходит нога это служит рука
Есть история но отвалилась башка

Вдохновенных полночных побасенок рой
Напечатай в газетке газеткой накрой
От стыда до предательства всею душой
И хорошей казненной мертвой пчелой

Короткое время был виден предел
И в комнате где о порог запнулся
В ту комнатку смерти и лес поредел
И в зеркале леса обратно вернулся

Не узнавая деревьев и троп
Короче дорога возвратная
А в комнате где лишь стул да стол
Жизнь уже невозвратная

Как плыл утопая и балка видна
Но нечеловеческой силой
Пузырик один оторвать ото дна
Он легче торговли могилами

Выходит из комнаты два косяка
На плечи надев рукавами
Скажи этой жизни что не высока
Что солнце висит над домами

И этого солнца так выпучен глаз

Как будто оно не закатится
Но об отчислении вышел приказ
Из метрики вычеркнут записи

Здесь виден предел и его не сумел
Смеясь водолаз перепрыгивать
И палочку ту что держишь в уме
Перешагнуть до погибели

Смирись преступления не совершал
Однако ты зря не спал по ночам
И то что напрасно ты разрушал
Разрушилось. нету. и все. замолчал

Белая хата и окон газет
Заклеили и плита “Лысьва”
И только на солнце на солнце глазеть
И шапка пушистая лисья

Здесь спал ну а здесь электрический ток
И синие пятна в глазах от удара
А здесь ты читал и пчелы хоботок
Слоновьего уха гитара

Ты знал бы когда и фарси и урду
Как персы бы выпорол море
Но только в лесу золотому дрозду
В хлеву народившимся горе

Ходил на ходулях и этих ходуль
Не ведали боги презренья
И тех костылей и в котором году
Лишился бы глаз растворенья

На печке ты спишь и бел потолок
Газетных страниц не листая
И глаз этих глаз и их поволок
Для детского сердца в Китае

Куришь табак желтый листок
Лодочку сделав рукой
А из него не вымолишь сто
Слов про город другой

Тень на стене птица и черт
Лампа бросила тень
Кто-то испуганно это прочтет
А поглядеть - лень

Плавала лодка вниз головой
Берег другой качнув
Только шагни на берег другой
Лодку перевернув

Как закрывались твои глаза
Слов не найдя ста
Ночью на небе была гроза
Лодка пришла пуста

Он сверяет по месяцелову
Или каждый денек молодой
У которого плащ зацелован
И закутанный в плащ голубой

Он уходит и звездочки рдеют
И в корону оденут главу
Небеса разошлись и рдеют
И несут его наплаву

То ли воздуха столб то ли ртути
И надмирная лодка над ним
Это нам в далекой Калькутте
Позабытым, одним

Эта полная Нилом калоша
Капюшон белых змеек вверху
Он уходит шагает хороший
Не задумав о нашем мирку

Кухня и лампа двое за столом
Телевидение с ипподрома
Ведет репортаж наступил костолом

На стол своей лапой погрома

Возводят помост к дереву ли
Привязать решили и линчевать
И свою роль характерную ли
Ты хочешь сыграть ночевать

Негр но белый в дегте измазан
И из подушек соседней с кухней
Спальни пух крепко завязан
И на помост не испуг ли

Опускает комнату на кушаках
И оборвалась веревочка
И в тарелках и дуршлагах
На голову сядет Дюймовочка

Маковой росинки не ел с утра
И раздавленная лапою
Комната сама и чая сорта
Проваливает эскулапа

Вот этот ринг на котором те два
С мордой лошадиною
Свет закройте, закройте да!
И улыбайтесь пингвинами

И солнце обманет утром пригрев
И светел тот берег по мосту
Веселый автобус несется запев
Гармошкой тебе не по росту

Проспект и плакаты что на берег тот
Зеркальных красавиц толпою
Толпой одинаковых курток ведет
К фабричному шву и покрою

Гармоникой ходит пальто до угла
И зябко поднимешь ты ворот
В машинке природы сломалась игла
И берег не сходится вспорот

В обманчивом зеркале мечется диск
А падать и больно и скользко
Теперь не узнаешь ее Эридис
Короткое скроется солнце

И умерших дней слезный лепет и плач
Ты жирным крестом в календарь обозначь

И нового года кануном
По всем заунывным и юным

Человек на луну глядел раскачиваясь на стуле
И то череп видел голый то умильную рожицу
Был теракт в Пакистане и баба яга в своей ступе
В костях детских повалившись летела изложена

И маятник созвездий часов небесных передвинулся
Так увидел его человек и в такт головою бумкал
И срубленный саблей стрелки друг его опрокинулся
И умер из земли но бабу ягу убаюкал

И вот зашла мама на деда похожая
И закурила на старенькой кухне
И вот сестра ее темная и хорошая
К замочной скважине приложила ухо

О чем говорили за дверью девичий Христос
Что гладил макушку блудного сына
И преображенный и раненый и веселый матрос
С цыганочкой-куклою чайною слезная Хиросима

И в узел свернув и в чалму два брата за дверью другой
Шептались и сдвинули маятник звездный
И в черных машинах поехали на облом и разбой
И нож по живому прошел богохульством скабрезным

И дни истончились как тряпочка человеческий пот
И запах духов от кладбищенской этой сирени
И черный кропоткинской этой машины капот
Захлопнулся только пожаром завывли сирены

И что воскресение – память лишь - сломанный позвонок
Истории сказочной той где мы были не нами
Так красное мясо взрывает последний звонок
Так гордая песня рыдает в лицо знаменами

И то чем жевалась костлявая баба яга
И то что до смерти всегда повторялось
Мы то повторяем мы то говорим по слогам
И шепотом страшным как будто бы дверь отворялась

Заламывая руку за голову
и шапку на глаза надвинув
не зная что ее обреют наголо
ты нагло пролетишь над миром

приветную ладошку растопырь
сбежавшей тенью самолета
что над землей висит как нетопырь
и из-под пятницы суббота

ребенок что летел в крыле
отделался обмороженьем
на затонувшем корабле
и в обморочном изложении

застукав нас по голове
на сломанном как матерщина
отцовском лобовом стекле
висят бинты из крепдешина

тесный плащ материнский покрой
лишь до пояса плечи накроет
и газетную шапкой над головой
как корабль поплывет и утроит

нас с тобой неподвижных как стол
тот который несешь над собою
только руки сложишь крестом
только шубу наденешь соболью

горностая и с бусиной мех
римский папа завидовать будет
как на свадьбе фонарик наверх
мы шагаем на проводы людям

чуть покачиваясь лоскуток
то ли содранной кожи бумажной
перепрыгивает через мосток
и ушиблен смеется куражно

с тонкой пленки легких налет
сняли лезвия острые ножниц
кто же горькие слезы прольет
над короткой памятью рожениц

над рахитиками детей
и лобастых негроидных кукол
с похитителями отель
восхитительно замяукал

мы приплыли качает в дали
берег узенькою полоской
сердце сердце скорей раздави
лягушонка и папироску

В шесть утра выпить чаю болтливого
Утро шапку снимет с небес
Говорящего торопливого
Попугая отправить в собес

И рассказывать то что давеча
За заслоном крепких бинтов
Как чалмой старика Хоттабыча
Разрезающих глаз облаков

Что за радость веселая славная
К ночи стукнет в голову так
И под клетчатыми одеялами
Кулаки каменеют в бинтах

И себя начнет оговаривать
Сна одежду теплую сняв
Явь твоя как цыпленок жареный
Запалить его в пеленах

Вскочил на кровати солдатиком
И выпрыгнул из бассейна
Стал вспышкой на фотографии
Разбуженного сонмища сейма

Увидел себя ничком а
Другой взглянувший вздрогнув
Как будто позвали в школу
Вразвалочку и в сугробах

И став в загробную очередь
Последним и первым в строю
И самую темную ночью
Завесу сказал раскрою

Мужик или баба прямо
В вагоне глядит в стакан
И взглядом тиранит упрямо
Невидящий истукан

И не попадая в разметку
Измазанный кровью вишенки
В раю сумасбродкой-аскеткой
Туда откуда ты вышел

Заводит и губит обратно
И любит и нежит как брата

Платком то что есть неозвратно
Твое одеяло квадратом

Пиджак на плечах как рама
Нательная эта вышивка
Панама и панорама
Тебя он выселил выжег

И над мужиком угроза
Гвоздь в мачтовом лбу
И в горле четок и роза
Звездой у марабу

Четыре часа две минуты
Осталось до дома едва
Поют юннаты в каютах
Что башенка не видна

Глядятся в черное море
Укачивает но перевезет
Баюкает черную морду
По пояс укроет в брезент

От верной собаки на время
Застывшее в холке ее
И белые лица беременных
Забудут про шелка нитье

Морозные окна трамвая
Безжалостные глядят
У храмового самовара
На валенках плачет дитя

И хромоная часовая
Стрела далека велика
И самурай каравая
На сабле подаст два куска

Часы возвращаются сторож
Нам рожницу строит мигнув
И время бежит как прохожий
Косу занеся в вышину

И плоскому глобусу в атлас
Проситься хотелось в май
А я не знаю как звать вас
- ты в драке попробуй разнять нас
Попробуй узнай!

И длинное красное платье
Наденет над ним голова
И красною горькою клятвой
И темный сияющий взгляд твой
И слова ждет милого

И это милое дело
Когда вот так поглядит
Когда бы справа налево
Когда бы вдруг черно-бело
По правде тебе повредит

Атласной бубновою картой
Побьется когда в дурака
И опояшет экватор
И в жаркие страны пока
Посылкой отправит товар твой
Откуда-то издалека